

СТАЛИНСКИЕ ПРЕМИИ: ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

Сталинские премии. Две стороны одной медали

ООО "Свиньин и сыновья"

2007

Сталинские премии. Две стороны одной медали / ООО "Свиньин и сыновья", 2007

Сталинские премии в области искусства и литературы – малоизученный и слабо освещенный в широкой печати феномен во взаимоотношениях власти и творческой интеллигенции в определенный период советской истории (1939–1953 гг.). Расхожее мнение, что все, заслужившее награду вождя в этой сфере, – сплошная «халтура-конъюнктура», составителям сборника представляется легковесным и не выдерживающим критики при обращении к реальным документам и фактам. Вместе с тем наличие жесткого пресса в виде тотальной цензуры и масштабных идеологических кампаний приводило к тому, что судьбы многих, даже неоднократных, обладателей лауреатских значков приобретали драматическую, а порой и трагическую окраску. Предлагаемый сборник документов и художественно-публицистических материалов – это не научное исследование, а книга для чтения.

, 2007

© ООО "Свиньин и сыновья", 2007

Содержание

Предисловие составителей	6
Раздел 1	9
От составителей	9
Документы и факты	16
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)	16
Подпольная листовка, перехваченная сотрудниками секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР в дни работы Всесоюзного съезда писателей	16
Биографическая справка АНДРЕЕВ Андрей Андреевич (18(30).10.1895–05.12.1971)	18
Справка секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР	19
Поздравление Президиума Верховного Совета СССР	25
Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР	27
Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР	29
Сообщения ТАСС. В Совнарком СССР	29
Сообщения ТАСС. В Совнарком СССР	33
Протокол № 1 Общего собрания Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства	34
Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы»	35
В Совнарком СССР. «Об установлении звания “Лауреат Сталинской премии”»	43
Свидетельства и мнения	44
Откуда пошли сталинские премии	44
В. Александров. Из работы «М. А. Шолохов в документах Комитета по Сталинским премиям 1940–1941 гг.»	46
Радиоконцерт, посвященный лауреатам Сталинской премии	50
Вручение дипломов деятелям искусства – лауреатам Сталинской премии	50
Сумбур вместо музыки	51
«Балетная фальшь»	52
Из книги Д. Бабиченко	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сталинские премии. Две стороны одной медали

сост. Владимир Свиныин и Константин Осеев

© Свиныин В. Ф., Осеев К. А., составление, 2007

© Свиныин В. Ф., тексты от составителей, 2007

© Осеев К. А., справочный раздел, 2007

© Прашкевич Г. М., послесловие, 2007

© Изд-во «Свиныин и сыновья» 2007

* * *

Предисловие составителей

В истории искусства и литературы советской эпохи, богатой как на выдающиеся творческие свершения, так и на трагические потери, период с 1939 по 1952 год занимает особое место. В это время взаимоотношения власти и творческой интеллигенции были в наибольшей степени регламентированы на уровне партийно-правительственных постановлений и указов, уставов творческих организаций, руководящих указаний в статьях официальной печати. Оценка качества труда мастеров пера, кисти, сцены, экрана и т. п., а точнее степени полезности их произведений с точки зрения большевистской доктрины и текущего политического момента, имела в эти годы не только моральное (ордена, звания), но и строго определенное материальное, количественное выражение. Главным мерилем творческих успехов стали Сталинские премии в области искусства и литературы, учрежденные в декабре 1939 года в канун 60-летнего юбилея великого вождя.

Эта книга в начале задумывалась, как чисто документальный справочник. Но работа над собранным материалом значительно изменила взгляд составителей на предмет и раздвинула рамки замысла. В частности, мы убедились в том, что этому периоду в истории советской культуры (1939–1952 гг.) серьезными ее исследователями уделено значительно меньше внимания, чем годам предшествующим и последующим. Нам же представляется, что именно тогда окончательно сформировался так называемый «соцреалистический канон», который на несколько десятилетий определил развитие отечественной литературы и искусства для масс.

Составители родом из этого времени. В детстве и юности мы читали эти книги и смотрели эти фильмы (едва ли не все). Но дело не в наших детских воспоминаниях, дело в том, что на этой литературе, на этом искусстве формировалось мировоззрение не одного поколения советских людей, из которых немалые миллионы перешагнули рубеж, отделяющий Советский Союз от нынешней России. Они тоже многое помнят. А вот молодежь наших дней плохо представляет себе, как выглядели полки книжных магазинов, афиши театров и кино в сороковые – пятидесятые годы, а там было многое, что не утратило своей художественной ценности и по сей день. Было и то, что прочно вошло в фонд мировой культуры. Достаточно сказать, что М. А. Шолохов, один из первых лауреатов Сталинской премии, впоследствии за то же самое произведение получил и Нобелевскую премию по литературе.

Было, разумеется, и другое. Кроме наград, премий и почестей, власть оказывала и совершенно иные знаки внимания по отношению к деятелям культуры, о которых вспоминать горько и больно. Но вспоминать надо. Без рассмотрения обеих сторон медали (в данном случае – лауреатского значка) нельзя во всей полноте понять и оценить все, что было создано в литературе и искусстве сталинских времен.

Формально история Сталинских премий (далее – СП) начинается с их учреждения в 1939 году и заканчивается со смертью И. В. Сталина. Но если говорить о сталинском периоде советского искусства вообще, то он, на наш взгляд, начался задолго до 1939 года и отнюдь не завершился со смертью вождя. Поэтому мы сочли возможным выделить четыре хронологических этапа истории СП (того и другого рода):

- 1) с даты учреждения (21.12.1939) по март 1941 г. (первое присуждение) с включением важных для нашей темы документов и событий нескольких предшествующих лет;
- 2) военное время и первый послевоенный год (1-я половина 1946 г.);
- 3) 2-я половина 1946 г. – март 1953 г. – время девальвации премий и самого сурового идеологического давления;
- 4) СП после смерти И. В. Сталина (1953–1966 гг.).

В соответствии с этой хронологией и будет расположен весь материал книги: документы, мемуары, комментарии составителей и современных журналистов. Документированные факты

касательно имен лауреатов, названий произведений и степеней присужденных им премий будут представлены в двух вариантах: в виде полных текстов соответствующих постановлений СНК и СМ СССР, опубликованных в газете «Правда», и (в справочном разделе) – в сжатой, табличной форме – для того, чтобы легче было увидеть общую картину «выдающихся достижений в области искусства и литературы», какой она виделась высшим присуждающим инстанциям на тот или иной момент времени.

Необходимо сделать несколько общих замечаний.

1. Характерной особенностью всего механизма (регламента?) учреждения и присуждения Сталинских премий является его постоянная корректировка, причем не всегда оформляемая документально (по крайней мере, в виде публикаций в прессе). В частности, в утвержденном СНК СССР и опубликованном 02.04.40 в «Правде» *«Порядке присуждения премий имени Сталина...»* было определено: *«Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства публикуются в центральной печати в день 21 декабря»*. (Это, как известно, день рождения И. В. Сталина). Никакими последующими постановлениями другая определенная дата не была названа. Тем не менее, она ни разу не была соблюдена. Фактически годы, за которые присуждались премии, и годы, в которые публиковались Постановления о присуждении, никогда не совпадали. Иногда разрыв составлял несколько лет. В большинстве справочных изданий рядом с фамилией лауреата или названием произведения указывается именно год публикации. В нашем же сборнике везде фигурирует год (или период в несколько лет – были и такие случаи), указанный в названии соответствующего Постановления о присуждении. Сопоставление периодов и дат присуждения приведено в таблице 1 справочного раздела.

2. Часто встречающиеся утверждения о том, что такое-то литературное произведение, спектакль или кинофильм получило Сталинскую премию, является не совсем точным. Формально, ни одно *произведение* лауреатом Сталинской премии считаться не может, премии и звания лауреатов присуждались только их создателям, причем в случае коллективного творчества (спектакль, кинофильм), далеко не всем. Но в реальности всеми (и не без основания) считалось, что высшее одобрение получил, скажем, спектакль в целом, так что не удостоившиеся звания участники и сами, и в глазах окружающих тоже выглядели награжденными. Например, в публикации И. Соломоника («Новый Мир» 1993, № 6) есть такие строки:

«Осенью 1949 года в зоне лагпункта „Мостовица“ – это отдельный лагерный пункт 3 Каргопольлага, расположенный в Архангельской области и занимавшийся лесозаготовкой, – стало известно, что к нам этапировали писателя Гладкова, лауреата Сталинской премии, автора пьесы „Давным-давно“. ...Ввиду того, что А. К. Гладков сильно хромал и не передвигался без палки, в лес на общие работы он не был отправлен – его забрала начальница санчасти, фельдшерница из местных, „трескоедов“, как их здесь называли. Дама эта щеголяла тем, что завхоз у нее – лауреат Сталинской премии! Поэт!».

Между тем, Сталинская премия I степени за 1942 год была присуждена только режиссеру А. Д. Попову за постановку этого спектакля в Центральном Театре Красной Армии. И такие случаи не единичны.

Все материалы, включенные в сборник, так или иначе опубликованы – в изданных книгах, в периодической печати, в Интернете. Они отнесены нами к двум категориям:

1) документы (официальные и архивные); сюда же мы относим редакционные статьи в печатных органах ЦК ВКП(б) – КПСС («Правда») и Управления пропаганды и агитации ЦК («Советская культура»);

2) литературно-публицистические тексты (воспоминания участников и других современников событий, фрагменты из книг и статей писателей, историков, искусствоведов, журналистов и других авторов).

Материалы, относящиеся к разным категориям, в каждом разделе книги даются под двумя рубриками. В обоих рядах перемежаются свидетельства как благосклонного отношения властей к тем или иным деятелям литературы и искусства и их творческим достижениям, так и строжайших, уничижительных разносов с драматическими, а то и трагическими для авторов последствиями. Сталинская премия за весь период создания отмеченных ею произведений (1934–1951 годы) поворачивалась к их создателям то одной, то другой своей «стороной». Не менее впечатляющим выглядит и перечень известнейших советских деятелей литературы и искусства той поры, кто ни разу не попал в списки лауреатов.

Составители надеются, что им удалось представить достаточно полную картину очень сложного периода в истории отечественной культуры сталинского периода, картину, основанную, в первую очередь, на документальных источниках. Просим учесть, что мнения и оценки отдельных авторов не всегда совпадают с мнением составителей. В приводимых документах сохранена орфография подлинников и даже фактические ошибки.

Книга состоит из пяти разделов: четырех, выделяемых по хронологии, и одного справочного, содержащего систематизированные и обобщенные данные, касающиеся итогов Большого сталинского идеологического, политического и культурного, как бы теперь сказали, проекта под названием «Сталинские премии».

В исторической литературе принято называть период 1945–1948 года в советской идеологии и культуре «ждановщиной» (А. А. Жданов умер в августе 1948 года). Но в разные периоды главными партийными ответственными за идеологию были разные люди. В соответствии с их фамилиями мы и назвали разные разделы книги.

Владимир Свиньин

Константин Осеев

Раздел 1 1934–1941 «Андреевщина»

От составителей

Идея об учреждении премий имени И. В. Сталина по свидетельствам участников событий (дошедшим до нас через пересказы третьих-четвертых лиц) возникла во время подготовки к празднованию 60-летнего юбилея вождя, то есть в конце 1939 года. В таком виде эта история носит чуть ли не анекдотический характер. На самом деле, безусловно, появление этой формы поощрения и стимулирования творческой деятельности никак нельзя считать случайным. Впрочем, внешняя сторона всех событий, связанных с учреждением премии, вполне выдержанная в духе времени, возможно, имела целью еще и замаскировать истинные намерения власти по решению самых неотложных внутри- и внешнеполитических задач. Одной из таких задач можно считать необходимость срочного проведения самой широкой «инвентаризации» как наличных творческих достижений, так и творческого потенциала страны в сферах науки, техники, литературы и искусства после всего, что произошло в этих сферах в 30-е годы. Сделать это силами самих деятелей науки и искусства, с привлечением самых авторитетных из них, – было вполне здоровой идеей. Эта же организационная форма обеспечивала полный идеологический контроль со стороны партийных органов и давала возможность при «подведении итогов инвентаризации» оценить такие важные для власти качества, как лояльность, правильное понимание политики партии, личную преданность вождю и т. п. в отношении каждой заметной фигуры в творческой среде (помимо оценок, уже имеющихся в структурах НКВД). Того требовала обстановка в стране и в мире.

Но прежде чем появилась эта форма поощрения и стимулирования творческой деятельности, власть уже на протяжении почти целого десятилетия (начиная с 1932 года) успешно применяла во взаимоотношениях с творческой деятельностью политику «кнута и пряника». Роль «пряников» в «допремиальный» период выполняли ордена и звания, а роль «кнутов», как и в последующие времена, всевозможные постановления по вопросам культуры и идеологии, в самые жуткие годы – репрессии.

К этому времени XX век перешагнул порог начала самых трагических событий своей истории. Уже шла Вторая мировая война, и участие в этих событиях Советского Союза было фактически обозначено (пакт Молотова – Риббентропа уже был подписан). Поэтому в первых списках номинаций (по нынешней терминологии) наиболее важными явно считались не литература и искусство, а наука, техника, изобретательство, причем особенно выделялись успехи в области военных знаний и изобретений. Там предусматривались более значительные средства и предполагалось большее число награждаемых. То же относится и к учрежденным одновременно сталинским стипендиям: вопрос подготовки новых гражданских и военных кадров стоял очень остро.

То, что в первом списке номинаций отсутствовала литература, видимо, нельзя объяснить просто забывчивостью или невниманием к этому виду творчества. Кажущаяся «оплошность» была исправлена через полтора месяца новым постановлением, где литература обозначена, как самостоятельный, отдельный от науки и искусства вид творческой деятельности, имеющий собственные подвиды: прозу, поэзию, драматургию и критику (подобное разделение на подвиды для музыки и кинематографии произошло существенно позже). Это явно отвечало представлениям вождя о роли литературы (и авторитета писателей) в идеологическом воспитании масс. Именно на примере литературы были в начале тридцатых продекларированы, а затем

и утверждены как единственно правильные для всех деятелей советского искусства принципы социалистического реализма.

К началу 40-х годов торжество соцреалистического метода в Советском Союзе можно было считать свершившимся фактом. Ушла далеко в прошлое шумная разногласица двадцатых – все эти «серапионовы братья», «перевалы», «кузницы», РАПП'ы и РАПМ'ы, обериуты, футуристы, имажинисты, супрематисты, ничевоки и пр., и пр., и пр. Все это было отменено одним коротким Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». Из оставшихся в живых имен-символов 20-х (которыми Россия сегодня по праву гордится) не у дел оказались такие мастера, как Дзига Вертов, Константин Мельников, Павел Филонов, Александр Родченко и другие. Прокатились по стране беспощадные тридцатые, непоправимо изменив (точнее, исказив) ее культурный ландшафт. Свирепствовала цензура. Из библиотек и книжных магазинов в массовом порядке изымались не только не отвечавшие соцреалистическим критериям издания, но и произведения классиков (Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого и др.), если предисловия к ним были подписаны кем-то из «врагов народа», например, Б. Каменевым (а это случалось часто, поскольку последний долгое время возглавлял издательство «Academia», а впоследствии был еще и директором созданного по инициативе М. Горького Института мировой литературы) или Н. Бухариным (в свое время признанным во властных кругах авторитетом по литературным вопросам). Сам Максим Горький превратился из живого классика в икону соцреалистического «храма искусств». Забыты были не столь уж и жаркие дискуссии на Первом Съезде советских писателей (17.08–01.09.1934), который оказался и последним при жизни И. В. Сталина. Из более 600 его делегатов почти треть была репрессирована. Примерно такая же пропорция соблюдалась и в других творческих сферах. Если не трогали самого широко известного в стране человека, то обязательно родственников, часто близких: жену, отца, сына, брата и т. д. Правда, к 1940-му году волна арестов пошла на убыль, хотя и не прекратилась.

Вот в такой обстановке 16 сентября 1940 года под председательством Владимира Ивановича Немировича-Данченко в нижнем фойе МХАТа СССР состоялось первое заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Членам Комитета предстояло выявить, обсудить и представить на утверждение в высшие инстанции произведения – по одному произведению в каждой номинации, – созданные или завершенные в текущем году, которые достойны присуждения им (впервые!) высокой премии. Формально высшей инстанцией был Совет Народных Комиссаров, фактически же во все годы – Политбюро ЦК ВКП(б). Возможно, им удалось бы справиться с этой задачей к установленному Положением сроку (21 декабря), но этого не случилось по независящим от Комитета причинам. В инстанциях решили (Постановление СНК СССР от 20 декабря 1940 г.) расширить временной диапазон с текущего года до 6–7 предыдущих лет (то есть начиная с 1934 года), число же награждаемых было значительно увеличено: по каждому разделу литературы до трех, а по всем прочим видам искусства, кроме трех премий *первой* степени были введены еще и по пять *второй* степени.

Но и на этом корректировки не закончились. Когда 16 марта 1941 года было, наконец, опубликовано первое в истории «Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР „О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы“», там значилось существенно больше лауреатов почти во всех разделах литературы и искусства. Узаконено было это увеличением просто примечанием к самому указанному Постановлению (в области кинематографии, например, присуждены были сразу десять *первых* и пятнадцать (!) *вторых* премий (все же важнейшее из искусств!).

Как бы то ни было, первое присуждение Сталинских премий состоялось, и 16 марта 1941 года страна узнала о появлении первых 162 *лауреатов* – деятелей литературы и искусства (постановление о введении такого звания было подписано 26.03.41 г. и опубликовано в газете

«Советское искусство» 30.03.41 г.). Прочтение этого списка представляет несомненный интерес как с точки зрения «кто в нем есть», так и с точки зрения «кого в нем нет»

Из удостоенных – подавляющее большинство и так уже известные всей стране люди (особенно 65 лауреатов I степени): как правило, орденосцы, обладатели званий «заслуженных» и «народных». Более того, почти все эти имена и по сегодня являются гордостью отечественной культуры (хотя заслуживает быть включенным в фонд этой культуры далеко не всё, что было ими создано). Приведем список 65 полностью, и вряд ли большинству читателей по большинству фамилий потребуются пояснения – кто есть кто.

1. Абрикосов А. Л.
2. Александров Г. В.
3. Асеев Н. Н.
4. Бабочкин Б. А.
5. Багашвили С. Л.
6. Барсова В. В.
7. Васильев Г. Н.
8. Васильев С. Д.
9. Геловани М. Г.
10. Герасимов А. М.
11. Грабарь И. Э.
12. Довженко А. П.
13. Доллер М. И.
14. Дунаевский И. О.
15. Жаров М. И.
16. Заболотный В. И.
17. Ильинский И. В.
18. Иогансон Б. В.
19. Каплер А. Я.
20. Козинцев Г. М.
21. Корнейчук А. Е.
22. Крючков Н. А.
23. Купала И. Д.
24. Ладынина М. А.
25. Лепешинская О. В.
26. Ливанов Б. Н.
27. Меркуров С. Д.
28. Михайлов М. Д.
29. Мухина В. И.
30. Мясковский Н. Я.
31. Нестеров М. В.
32. Орлова Л. П.
33. Охлопков Н. П.
34. Павленко П. А.
35. Петров В. М.
36. Погодин Н. Ф.
37. Пудовкин В. И.
38. Пырьев И. А.
39. Рейзен М. О.
40. Ромм М. И.
41. Самойлов Е. В.

42. Сергеев-Ценский С. Н.
43. Симонов Н. К.
44. Скуратов И. Ф.
45. Тарасова А. К.
46. Толстой А. Н.
47. Трауберг Л. З.
48. Тренев К. А.
49. Тычина П. Г.
50. Уланова Г. С.
51. Ханов А. А.
52. Хмелев Н. П.
53. Хорава А. А.
54. Чабукиани В. М.
55. Черкасов Н. К.
56. Черкасов (Сергеев) Н. П.
57. Чечулин Д. Н.
58. Чиаурели М. Э.
59. Чирков Б. П.
60. Шапорин Ю. А.
61. Шолохов М. А.
62. Шостакович Д. Д.
63. Щукин Б. В.
64. Щусев А. В.
65. Эйзенштейн С. М.

Разумеется, решающую роль сыграли вкусы и оценки Сталина. Это была не только формально, но и по сути даваемая лично им премия. Характерно, что всем деятелям сценического искусства (опера, балет, драма и комедия) премии были присуждены «за выдающиеся» (первая степень) или «за большие» (вторая степень) заслуги в соответствующем виде искусства. Так, из двух равно прославленных теноров Большого театра, вождь явно предпочитал И. С. Козловского («за выдающиеся») С. Я. Лемешеву («за большие», причем не только в вокально-театральном, но и киноискусстве – имелось в виду исполнение им главной роли в к/ф «Музыкальная история», за который по разделу «Кино» отдельно удостоились премии также второй степени режиссер А. Ивановский и артисты Э. Гарин и З. Федорова).

Карикатура Радлова: Петр и Алексей, или А где же вторая часть?

Наибольшее внимание вождь уделял двум сферам художественного творчества: литературе и кино. Он много читал, много времени проводил в кинозале и обо всем прочитанном и увиденном имел свое мнение. Например, в числе кандидатур по разделу литературы А. Толстой (возглавлявший литературную секцию Комитета) не значился по его же просьбе – и роман «Петр I», и трилогия «Хождение по мукам» были к тому времени не закончены. Но «читатель № 1» счел возможным присудить премию за уже опубликованные части романа о Петре. Формального «Положения о Сталинской премии», то есть правил, предписывающих кому и за что можно ее присуждать, а кому (к примеру, умершим деятелям, иностранцам) и за что (за незаконченные произведения) – нельзя, не существовало. Это позволяло решать спорные вопросы *ad hoc*, то есть в каждом конкретном случае по-своему. Что и делалось на протяжении всей истории Сталинских премий.

Музыкой и театром Сталин интересовался меньше, изобразительным искусством еще меньше, в основном, соглашаясь с предложениями специалистов и их партийных кураторов. Зато вполне одобрял, а иногда и выступал инициатором жестких проработок тех авторов и произведений, где зоркий глаз идеолога усматривал крамолу, искажение, клевету и вообще нечто чуждое социализму. Самыми известными событиями такого рода в довоенное время стали: кампания, порожденная статьей в «Правде» «Сумбур вместо музыки» (на примере оперы Д. Д. Шостаковича был навеки заклеен формализм в музыке) и постановление Политбюро ЦК ВКП(б) (формально – Комитета по делам искусств) о снятии спектакля «Богатыри» по пьесе Демьяна Бедного в Московском Камерном театре под руководством А. Я. Таирова (осуждению подлежали искажения исторической правды о героическом прошлом русского народа). Правда, Шостакович был потом как бы прощен и удостоен всех наград, а для Демьяна Бедного и А. Таирова этот разнос, по сути, означал конец творческой карьеры. Естественно, что имен как знаменитого большевистского трибуна, так и выдающегося режиссера ни сейчас, ни в дальнейшем в списках лауреатов нет.

Нет и многих других известных на тот момент фамилий. Из числа классиков советской (и русской вообще) литературы, здравствующих на свободе в те годы, необходимо назвать, безусловно, А. Ахматову, М. Цветаеву, Б. Пастернака и М. Зощенко. Как будет видно из других материалов литературной части этого раздела, кандидатура Ахматовой даже всерьез обсужда-

лась в числе прочих на заседаниях Комитета по премиям (предлагали авторитетные люди), но обернулось это для поэтессы самым нежелательным образом: готовый тираж ее напечатанной после 18-летнего перерыва книги был уничтожен, а в ее адрес А. А. Жданов уже тогда (правда, еще не публично) высказал почти все те слова, которые потом будут фигурировать в известном докладе и Постановлении 1946 года. Отсутствие в списках Зоценко не удивляет – он тоже, как и Ахматова, обладал колоссальной популярностью в литературной среде, но только не у блюстителей соцреалистического канона. Зато удивляет отсутствие абсолютно лояльного и мало кому уступающего в известности Аркадия Гайдара. Из других обсуждавшихся, но не получивших следует отметить И. Ильфа и Е. Петрова (за книгу «Одноэтажная Америка»; И. Ильф умер в 1936 году, Е. Петров погиб в 1944-м), Вс. Иванова (роман «Пархоменко»), В. Василевскую (повесть «Пламя на болотах»), А. Макаренко (за «Педагогическую поэму»; знаменитый педагог умер в 1939 году).

Весьма показательным было и так называемое «дело Авдеенко», для разбора которого собиралось специальное собрание литераторов с участием самого Сталина. В результате непосредственно (и совершенно незаслуженно) пострадал только сам Александр Авдеенко – автор сценария фильма «Закон жизни», но публичность обсуждения имела целью показать, кто будет решать, какое искусство «правильное», а какое – нет.

Не обсуждались и не получили ни сейчас, ни впрямь уже очень известные к 1941 году писатели и поэты К. Паустовский, А. Платонов, М. Пришвин, И. Сельвинский, Ю. Олеша, Н. Заболоцкий, К. Чуковский; драматург Е. Шварц, театральные режиссер и художник Н. Акимов, композитор Н. Богословский, киноактеры П. Алейников и М. Бернес.

Но самыми популярными в народе были, конечно, артисты эстрады: Л. Утесов, К. Шульженко, В. Козин, Л. Русланова, Эдди Рознер и его оркестр. Им тоже Сталинских премий не достанется ни тогда, ни потом. Что здесь причиной – пренебрежительное отношение Сталина к эстраде, как к несерьезному виду искусства, или как раз недовольство «чрезмерной», с его точки зрения, популярностью? Возможно, и то, и другое.

Общественный статус лауреата Сталинской премии (особенно в те годы) был выше, чем звания «народных» и «заслуженных» или награждения орденом – ведь их было значительно меньше. Немаловажную роль играла материальная сторона. 100 000 рублей за первую премию и 50 000 тысяч за вторую – много это или мало (начало 1941 года)? Ю. Мухин в книге «За Державу обидно!» приводит такие цифры:

«В те годы нарком внутренних дел, по своему званию равный маршалу СССР, Л. П. Берия получал 3500 рублей в месяц, генерал, командир дивизии Красной Армии – 2200; командир полка – 1800; командир батальона – 850; учитель – от 250 до 750; стипендия студента – 170; библиотекарь – 150; завсклада – 120. Хлеб стоил 90 коп.; мясо – 7 руб.; сахар – 4,50; водка – 6 руб.; мужской костюм – 75. Солдаты конвоя (вахтеры), охранявшие пленных, получали 275 руб. в месяц. Средняя зарплата по стране в 1940 г. – 339 руб. в месяц, прожиточный минимум – 5 руб. в день».

Даже с учетом всех возможных оговорок видно, что лауреаты становились небедными людьми, особенно те, кто был единоличным обладателем премии, а таких при первом награждении было большинство (между несколькими лауреатами одна премия делилась так: между двумя – поровну; между тремя – руководителю – половина, вторая половина – поровну между двумя; между четырьмя и более – руководителю – треть, а две трети – поровну между остальными; см. постановление СНК СССР № 636 от 26.03.41 г.).

Остается добавить, что на момент завершения рукописи (01.07.2007) из первого списка награжденных, насколько нам известно, в добром здравии остается, по крайней мере, два человека. Это Ольга Васильевна Лепешинская, прославленная балерина Большого театра СССР – премия первой степени за выдающиеся достижения в области балетного искусства, и Сергей

Владимирович Михалков, поэт и драматург – премия второй степени за, возможно, лучшее из того, что им было создано за долгие годы творчества – за стихи для детей.

Документы и факты

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.

23 апреля 1932 г.

1. ЦК констатирует, что за последние годы на основе значительных успехов социалистического строительства достигнут большой как количественный, так и качественный рост литературы и искусства.

Несколько лет тому назад, когда в литературе налицо было еще значительное влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще слабы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и [других видов] искусства в целях укрепления позиций пролетарских *писателей и работников* искусства [и содействия росту кадров пролетарских писателей и художников]¹.

В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП² и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах [литературного и] художественного творчества.

Это обстоятельство создает опасность превращения этих 173 организаций *из средства* наибольшей мобилизации [действительно] советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва [иногда] от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству [и готовых его поддержать].

Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширения базы их работы.

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) постановляет:

- 1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП);
- 2) объединить всех писателей, *поддерживающих платформу Советской* [стоящих за политику советской] власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем;
- 3) провести аналогичное *изменение по линии других видов искусства* [объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т. п. организаций];
- 4) поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения.

Подпольная листовка, перехваченная сотрудниками секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР в дни работы Всесоюзного съезда писателей

Не позднее 20 августа 1934 г.

¹ Выделенные курсивом слова вписаны в текст Сталиным, слова в квадратных скобках зачеркнуты им.

² Так в тексте. Правильно – РАПМ. Источник: [39]

Мы, группа писателей, включающая в себя представителей всех существующих в России общественно-политических течений, вплоть до коммунистов, считаем долгом своей совести обратиться с этим письмом к вам, зарубежным писателям. Хотя численно наша группа и незначительна, но мы твердо уверены, что наши мысли и надежды разделяет, оставаясь наедине с самим собой, каждый честный (насколько вообще можно быть честным в наших условиях) русский гражданин. Это дает нам право и, больше того, это обязывает нас говорить не только от своего имени, но и от имени большинства писателей Советского Союза. Все, что услышите и чему вы будете свидетелями на Всесоюзном писательском съезде, будет отражением того, что вы увидите, что вам покажут и что вам расскажут в нашей стране! Это будет отражением величайшей лжи, которую вам выдают за правду. Не исключается возможность, что многие из нас, принявших участие в составлении этого письма или полностью его одобрившие, будут на съезде или даже в частной беседе с вами говорить совершенно иначе. Для того, чтобы уяснить это, вы должны, как это [ни] трудно для вас, живущих в совершенно других условиях, понять, что страна вот уже 17 лет находится в состоянии, абсолютно исключаящем какую-либо возможность свободного высказывания. Мы, русские писатели, напоминаем собой проститутки публичного дома с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы душой; как для них нет выхода из публичного дома, кроме голодной смерти, так и для нас... Больше того, за наше поведение отвечают наши семьи и близкие нам люди. Мы даже дома часто избегаем говорить так, как думаем, ибо в СССР существует круговая система доноса. От нас отбирают обязательства доносить друг на друга, и мы доносим на своих друзей, родных, знакомых... Правда, в искренность наших доносов уже перестали верить, так же как не верят нам и тогда, когда мы выступаем публично и превозносим «блестящие достижения» власти. Но власть требует от нас этой лжи, ибо она необходима как своеобразный «экспортный товар» для вашего потребления на Западе. Поняли ли вы, наконец, хотя бы природу, например, так называемых процессов вредителей с полным признанием подсудимыми преступлений ими совершенных? Ведь это тоже было «экспортное наше производство» для вашего потребления.

Вы устраиваете у себя дома различные комитеты по спасению жертв фашизма, вы собираете антивоенные конгрессы, вы устраиваете библиотеки сожженных Гитлером книг, – все это хорошо. Но почему мы не видим вашу деятельность по спасению жертв от нашего советского фашизма, проводимого Сталиным; этих жертв, действительно безвинных, возмущающих и оскорбляющих чувства современного человечества, больше, гораздо больше, чем все жертвы всего земного шара вместе взятые со времени окончания мировой войны...

Почему вы не устраиваете библиотек по спасению русской литературы, поверьте, что она много ценнее всей литературы по марксизму, сожженной Гитлером. Поверьте, ни итальянскому, ни германскому фашизму никогда не придет в голову тот наглый цинизм, который мы и вы можете прочесть в «Правде» от 28-го июля [19]34 г. в статье, посвященной съезду писателей: крупнейшие писатели нашей страны показали за последние годы заметные успехи в деле овладения высотами современной культуры – философией Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Понимаете ли вы всю чудовищность от подобного утверждения и можете ли сделать отсюда все необходимые выводы, принимая во внимание наши российские условия.

Мы лично опасаемся, что через год-другой недоучившийся в грузинской семинарии Иосиф Джугашвили (Сталин) не удовлетворится званием мирового философа и потребует по примеру Навоходносора, чтобы его считали, по крайней мере, «священным быком».

Вы созываете у себя противовоенные конгрессы и устраиваете антивоенные демонстрации. Вы восхищаетесь мирной политикой Литвинова. Неужели вы, действительно, потеряли нормальное чувство восприятия реальных явлений? Разве вы не видите, что весь СССР – это сплошной военный лагерь, выжидающий момент, когда вспыхнет огонь на Западе, чтобы принести на своих штыках Западной Европе реальное выражение высот современной культуры – философию Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

То, что Россия нищая и голодная, вас не спасет. Наоборот, голодный, нищий, но вооруженный человек – самое страшное...

Вы не надейтесь на свою вековую культуру, у вас дома тоже найдется достаточно поборников и ревнителей этой философии, она проста и понятна может быть многим...

Пусть потом ваши народы, как сейчас русский народ, поймут всю трагичность своего положения, – поверьте, будет поздно и, может быть, непоправимо!

Вы в страхе от германского фашизма – для нас Гитлер не страшен, он не отменил тайное голосование. Гитлер уважает плебисцит... Для Сталина – это буржуазные предрассудки. Понимаете ли вы все, что здесь написано? Понимаете ли вы, какую игру вы играете? Или, может быть, вы так же, как мы, протитутуете вашим чувством, совестью, долгом? Но тогда мы вам этого не простим, не простим никогда. Мы – протитутутки по страшной, жуткой необходимости, нам нет выхода из публичного дома СССР, кроме смерти.

Если же нет, а мы верим, что этого действительно нет, то возьмите и нас под свою защиту у себя дома, дайте нам эту моральную поддержку, иначе ведь нет никаких сил дальше жить...

Источник: [39]

Биографическая справка АНДРЕЕВ Андрей Андреевич (18(30).10.1895–05.12.1971)

Партийный и государственный деятель, член партии с 1914 г., член ЦК в 1920–1921 гг. и в 1922–1961 гг., член Политбюро ЦК 04.02.32–05.10.52 гг. (кандидат 23.07.26–21.12.30 гг.), член Оргбюро ЦК 03.04.22–11.04.28 г. г. и 22.03.39–18.03.46 гг., секретарь ЦК ВКП(б) 03.02.24–18.12.25 гг. и 28.02.35–18.03.46 гг. Родился в деревне Кузнецове Смоленской губернии. Русский. Окончил два класса сельской школы. В 1917–1919 гг. на партийной и профсоюзной работе на Урале и Украине. С 1919 г. член Президиума, в 1920–1922 гг. секретарь ВЦСПС. В 1922–1927 гг. председатель ЦК союза железнодорожников, одновременно в 1924–1925 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1927–1930 гг. секретарь Северо-Кавказского крайкома партии. С 1930 г. председатель ЦКК ВКП(б), нарком рабоче-крестьянской инспекции СССР и заместитель Председателя СНК СССР. В 1931–1935 гг. нарком путей сообщения СССР. В 1935–1946 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1938–1945 гг. Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, в 1939–1952 гг. Председатель КПК при ЦК ВКП(б) и в 1943–1946 гг. нарком земледелия СССР. В 1946–1953 гг. заместитель Председателя Совмина СССР. С 1953 г. член Президиума, а с 1962 г. советник при Президиуме Верховного Совета СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР 1–5 созывов. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Источник: Известия ЦК КПСС, 7.06.1990

Справка секретно-политического отдела ГУТБ НКВД СССР «Об откликах литераторов и работников искусств на снятие с репертуара пьесы Д. Бедного “Богатыри”»

Не позднее 16 ноября 1936 г.

А. Таиров (потрясенный постановлением комитета о снятии «Богатырей» объявил себя больным – сердечный удар. К нему домой заходили работники искусства и выражали соболезнование. По словам А. Коонен, заходили многие, как к покойнику): «Я допустил большую ошибку. Беру на себя всю ответственность, несмотря даже на то, что комитет по делам искусства, который принимал спектакль, апробировал его. Моя ошибка заключается в том, что я, как художник, должен был предвидеть все последствия.

Обидно, что мою ошибку принимают за вылазку, как об этом пишут.

Ошибка произошла потому, что я оказал большое доверие Демьяну Бедному как старому коммунисту. Как я мог подумать, что текст Д. Бедного включает вредную тенденцию, как же я мог быть комиссаром при Д. Бедном. Этой ошибки не произошло в „Оптимистической трагедии“ и в „Родине“, где авторы менее авторитетны, и я их пьесы подверг критике ответственных работников.

Я пойду в ЦК ВКП(б), где, надеюсь, меня поймут. Я там поставлю вопрос о том, что новые спектакли нужно показывать не только комитету, но и ЦК.

Это необходимо для гарантии.

Что меня по-настоящему пугает, дадут ли мне дальше работать. Что меня возмущает, это желание выставить меня отщепенцем народа. Это так ужасно, что я даже не могу спокойно об этом подумать».

А. Коонен: «Это урок Таирову. Нельзя надеяться на свои силы. Тогда бы нам не стоило это так дорого».

Ценин, заслуженный артист Камерного театра: «До тех пор, пока не кончится монархия в нашем театре, до тех пор, пока единолично все вопросы будет решать Таиров, не считающийся с ведущими работниками театра, до тех пор театр будут преследовать политические провалы».

Гершит, режиссер Камерного театра: «Постановление в корне правильное. Мы должны ставить „Евгения Онегина“. Я предвижу, что и с этим спектаклем будет такая же история, что и с „Богатырями“».

Демьян Бедный. Демьян Бедный совершенно потрясен постановлением комитета по делам искусства. Три дня никуда не выходил, никого не принимал и только вчера вызвал к себе секретаря ССП Ставского для конфиденциальной беседы. Из всего последующего стало ясно, что Демьян Бедный, не решаясь лично обратиться к секретарям ЦК ВКП(б), желает воспользоваться Ставским для передачи его объяснений и оправданий. Ставский, заставший Демьяна Бедного в состоянии абсолютной растерянности, взял с собой стенографистку с тем, чтобы отчет об этой беседе имел документальный характер³.

Общий смысл объяснений Демьяна Бедного по поводу «Богатырей», зафиксированных в стенограмме, примерно таков. Фарсовый тон вещи и трактовка «Богатырей» объясняются характером музыки; так, например, «богатыри» поют арии из популярных оперетт. Фарсовый показ крещения Руси и неправильное его толкование объясняются привычкой к антирелигиозной пропаганде, тяготеющей в практике Демьяна Бедного. С другой стороны, подвели имеющиеся у него труды по историческим вопросам далеко не марксистского характера.

Демьян Бедный, признавая, что он сделал огромную ошибку, объясняет ее своим непониманием материала и своей глупостью. Однако в беседе он неоднократно возвращался к роли контрольных органов, указывал, что в самом начале работы над «Богатырями» года полтора тому назад первоначальный текст его не удовлетворял, казался ему легкомысленным и глупым, но Таиров и Литовский поощряли его, убеждая, что текст получается блестящим для сценической вещи.

Незадолго перед постановкой уже довольно обработанный текст был дан в комитет по делам искусства, где с ним познакомились Керженцев, Боярский, Орловский, но оттуда вещь была возвращена только с указанием Керженцева, что она скучна и грубовата. Поэтому дальнейшее исправление текста шло по линии сокращений и отделки отдельных фраз.

Демьян Бедный ссылается также на то, что свою концепцию «Богатырей» изложил в статье, данной им в «Правде», где по существу концепции не было сделано никаких замечаний⁴, и, следовательно, он считал текст «Богатырей» абсолютно апробированным.

Делая все эти ссылки, Демьян Бедный подчеркивал, что «голова у меня не вождистская, а художническая».

Демьян указывал на то, что у него начался приступ сахарной болезни. Говорил о том, что он не хочет умирать с клеймом врага партии и хотел бы, если ему не удастся вновь стать в литературе как художнику, то чтобы по крайней мере его использовали как специалиста-книжника, например в Книжной палате.

Дальше, прося не заносить в стенограмму, Демьян говорил, что его врагом является его библиотека. Об этом ему указывали, но он этого не понимал. Он заявил, что библиотеку свою сожжет⁵. Затем подчеркивал, что он больше всего боится того, что, невзирая на всю его прошлую деятельность, о нем будут судить как о враге партии, действующем по внушению врагов коммунизма. Он заявил, что он боится, что при укреплении такого о нем мнения он будет выслан из Москвы.

В таком крайне деморализованном состоянии Демьян Бедный оставался и после встречи со Ставским, которая, очевидно, ни в какой мере не содействовала укреплению его настроений.

³ Стенографическую запись своей беседы не позднее 19 ноября 1936 г. В. П. Ставский направил в ЦК ВКП(б) и НКВД СССР. Ее получили Л. М. Каганович и Н. И. Ежов. Выдержки из записи опубликованы в книге: Максименков Л. В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция. 1936–1938. М., 1997.

⁴ Имеется в виду рекламная статья Д. Бедного «Богатыри (К премьере в Камерном театре)», опубликованная в «Правде» 24 октября 1936 г., за пять дней до премьеры, состоявшейся 29 октября.

⁵ Так в тексте.

Станиславский, народный артист СССР: «Большевики гениальны. Все, что делает Камерный театр, – не искусство. Это формализм. Это дяляческий театр, это театр Коонен».

Леонидов, народный артист СССР: «Когда я прочел постановление комитета, я лег в постель и задрал ноги. Я не мог прийти в себя от восторга: как здорово стукнули Литовского, Таирова, Демьяна Бедного. Это страшней, чем 2-й МХАТ».

Янишин, заслуж[енный] артист МХАТа: «Пьеса очень плохая. Я очень доволен постановлением. Нельзя негодными средствами держаться так долго. Сейчас полностью выявляется вся негодность системы Таирова. Чем скорее закроют театр, тем лучше. Если закрыли 2-й МХАТ, то этот нужно подавно».

Хмелев, заслуж[енный] артист МХАТа: «Совершенно правильное решение. Руководство видит, где настоящее искусство, а где профанация его. Надо ждать за этим решением ликвидации Камерного театра. Этому театру делать больше нечего».

Кедров, заслуж[енный] артист МХАТа: «Если закроют Камерный театр, одним плохим театром меньше будет».

Станицын, заслуж[енный] артист МХАТа: «Это театр, в котором плохо играют, плохо поют, плохо танцуют. Его нужно закрыть».

Марков, зав[едующий] лит[ературной] частью МХАТа: «Гнусная спекуляция именами Бородина, Палеха. Отвратительный ужасный спектакль. Постановление целиком оправдано».

Израилевский, зав[едующий] музыкальной частью МХАТа, заслуж[енный] артист: «Все спектакли Камерного театра – сплошной формализм. В другом месте нигде бы работники не смогли бы приложить свои способности. Всю свою жизнь театр не давал никакого удовлетворения».

Самосуд, худ[ожественный] руководитель Большого театра: «Постановление абсолютно правильное. Камерный театр – не театр. Таиров – очковтиратель. Идея постановки „Богатырей“ порочна. Демьян Бедный предлагал мне эту пьесу еще в Михайловский театр, но я от нее отказался».

Мейерхольд, народный артист республики: «Наконец-то стукнули Таирова так, как он этого заслуживал. Я веду список запрещенных пьес у Таирова, в этом списке „Богатыри“ будут жемчужиной. И Демьяну так и надо. Но самое главное в том, что во всем виноват комитет и персонально Боярский. Он меня травит. Пока в комитете будет такое руководство, искусство развиваться не будет».

Наталья Сац, заслуж[енная] артистка респ[ублики], художественный руководитель Центрального детского театра: «Таиров сделал ошибку. Использовал недоделанную музыку Бородина. На Демьяна Бедного нельзя было надеяться, потому что он плохой драматург. Приглашение палехских художников – игра на форму без возможности оправдать ее содержанием. Театр ничего не может сказать зрителю».

Садовский, народный артист РСФСР, артист Малого театра: «Разумное постановление. Правильно дали по рукам Таирову и Демьяну Бедному. Нельзя исказить историю великого русского народа».

Тренев, драматург, автор «Любви Яровой»: «Я очень обрадован постановлением. Я горжусь им как русский человек. Нельзя плевать нам в лицо. Я сам не мог пойти на спектакль, послал жену и дочь. Они не досидели, ушли, отплеываясь. Настолько омерзительное это производит впечатление».

Григорий Санников, поэт: «Ну что же, я приветствую постановление и статью Керженцева⁶. Это полезно, касается не только самого Демьяна, но и подхода у нас к русской истории».

⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о запрете пьесы Д. Бедного «Богатыри» см.: Власть и художественная интеллигенция. С. 333. Док. № 30. Накануне принятия постановления Политбюро, 13 ноября 1936 г. спектакль в Камерном театре посетил В. М. Молотов. Статья М. П. Керженцева «Фальсификация народного прошлого (о „Богатырях“ Демьяна Бедного)» была опубликована в «Правде» 15 ноября 1936 г.

вообще. ЦК долгое время было не до того. А сейчас взялись серьезно за это дело и выправили его. С вульгаризацией истории давно было пора покончить».

П. Романов, писатель, прозаик: «Хорошо сделали, что хлопнули. Демьян берет своим орденом, связями и грубятиной. На этот раз дело не вышло. Это раз, а, во-вторых, очень хорошо, что заступились за русский фольклор, русских богатырей. Надо же искать и русских героев».

Городецкий, поэт: «Я никаким репрессиям сочувствовать не могу, но мне нравится, что бьют за издевательство над фольклором, а не за темы из него. Нельзя так относиться к истории народа, и еще приятнее, что ударили по Таирову: он жулик».

Всеволод Вишневский, драматург: «Поделом Демьяну, пусть не халтурит. Это урок истории: „не трогай наших“. История еще пригодится, и очень скоро. Уже готовится опера „Минин [и] Пожарский – спасение от интервентов“». (Такая оценка решения не помешала Вишневскому пойти к Таирову с выражением соболезнования.)

В. Луговской, поэт: «Постановление вообще правильное, но что особо ценно, это мотивировка. После этого будут прекращены выходы разных пошляков, осмеливавшихся высмеивать русский народ и его историю. До сих пор считалось хорошим тоном стыдиться нашей истории».

И. Трауберг, режиссер, автор кинокартины «Встречный»: «Советское государство становится все более и более национальным и даже националистическим. В силу этого совершенно неожиданные вещи находят защиту у руководства партии. Становится трудней работать, тем более когда столько руководящих лиц – и главреперткомовцы, и комитет по делам искусств не могут правильно решить смысл пьесы, которую приходится снимать после того, как она ими принята».

С. Клычков, писатель: «А впрочем, может быть, все может быть. Великий русский народ все-таки насчитывает сто миллионов, и он, конечно, имеет свое право на искусство большее, нежели на коробках для пудры и киосках а-ля-рюсс. Может быть, когда-нибудь и посмеют меня назвать русским писателем. Русское искусство нельзя бросить под хвост вогульскому эпосу.

Кому дали на поругание русский эпос? Жиду Таирову да мозгляку Бедному. Ну что можно было кроме сатиры ожидать от Бедного, фельетониста по преимуществу? Но кто-то умный человек и тонкий человек берет их за зад и вытряхивает лишнюю вонь.

Демьяну Бедному влетело поделом. Этим постановлением реабилитируется русская история, а то все у нас дерьмом называют. Надо было. Теперь начинают признавать прогрессивное значение за многими фактами; пожалуй, поймут, что и кулик мог быть полезен. С другой стороны, постановление как бы реабилитирует христианство; может быть, поймут, что и сейчас верующий не подлец, потому что красть не станет.

Надеюсь, что писателям легче будет писать правду, а критики должны будут признавать свои ошибки».

Вс. Иванов, писатель: «Я эту историю еще не осмыслил. Думаю, что здесь играют роль какие-то внутренние причины, о которых, конечно, не упоминается в статье Керженцева».

Ю. Олеша, писатель: «Пьеса здесь главной роли не играет. Демьян заелся, Демьяну дали по морде. Сегодня ему, завтра другому. Радоваться особенно не приходится. Демьяну выплачивается за его прежние грехи».

Ольга Фори: «Ну разве может быть у писателя два мнения? Чудно, замечательно, что Демьяна проучили. Вот, только, пожалуй, нам, пишущим пьесы, сейчас работать трудно будет. Литовский, говорят, совсем голову потерял, ни в чем не уверен. А меня и без того главреперткомщики заставляют вымарывать и выправлять пьесу о Камо».

П. Антокольский, поэт: «Не везет „камерникам“, а Бедного мне жаль. Он много может дать театру. А вообще работать в театре становится труднее – все отчаянные трусы вокруг. Поэтому все московские театры без исключения отличаются казенщиной и отсутствием мыс-

лей. Ставят только то, что приказано свыше, как мы, например, приняли в Вахтанговский театр бездарную пьесу Киршона».

Лебедев-Кумач, литератор-сатирик: «Если из этой истории сделают вывод, очень хорошо. Нужно убрать ту матерщину со сцены и из поэзии, которую разводит Демьян и делает эту матерщину официальным языком советской поэзии. Но, наверное, ему сейчас же после кнута дадут пряник, а набросятся на кого-то другого: нельзя обижать своего человека».

Козловский, артист ГАБТа: «Несомненно, пьесу читали раньше в правительстве, почему же ее не запретили до постановки? Таиров – большой талант, и это постановление не убьет его».

Каверин, режиссер ТРАМа: «Постановление правильное, это все понимают, и если многие воздерживаются от резкой критики Таирова, то только потому, что, пожалуй, в каждом театре есть свои „маленькие богатыри“».

Эйзенштейн, заслуженный деятель искусств и режиссер кино: «Я не видел спектакль, но чрезвычайно доволен хотя бы тем, что здорово всыпали Демьяну. Так ему и надо, он слишком зазнался. Хорошо также, что попало этому подхалиму Литовскому, который грохнул хвалебную статью⁷. Во всем этом деле меня интересует один вопрос, где же были раньше, когда выпускали на сцену контрреволюционную пьесу?»

Леонид Соболев, автор «Капитального ремонта»: «Только что был у Таирова. К нему с утра идут люди. Как раз, когда приехал я к Таирову, уходил Вс. Вишневский. Алиса страшно взволнована, удручена, говорит, что к ним сейчас все идет, как на похороны. Жалко Таирова, хотя я считаю, что постановление правильное. Ведь, когда издается книга, извращающая историю, действительность и пр[очее], мы же не пускаем ее к читателю, а в театре тоже воспитывается многотысячный зритель. Странно – где был раньше Керженцев? Раз пьеса репетировалась и пошла уже, как готовый спектакль для зрителя, значит комитет по делам искусств принял спектакль и принял хорошо. Да и в печати хвалили и пьесу, и спектакль. Говорят, что „Богатырей“ смотрели Молотов и Ворошилов. Ясно, что они вскрыли извращения в пьесе».

Барнет, кинорежиссер: «К сожалению, не успел посмотреть спектакль. Знаю только, что такой гнилой театр, как Камерный, давно пора закрыть».

Беренштейн, зав[едующий] театральным отделом газеты «Вечерняя Москва»: «Этой статьей полностью скомпрометирован Литовский. Его, очевидно, снимут, но Камерный театр все-таки не закроют. Во-первых, он известен за границей, а потом и так успели закрыть десять театров. Это же совершенно ужасный разгром. Я не мог найти в Москве театры, когда мне было поручено составить подвал о премьерах в этом сезоне, буквально все позакрывали».

Исидор Клейнер, теоретик и театр[альный] критик: «История с постановкой „Богатырей“ поучительна, полезна для драматургии, для театрального искусства. Правда, Таиров имел письменный акт о приемке постановки Главреперткомом. Все было „в порядке“. Так что Литовский ответственен не меньше его. Сегодня было экстренное совещание у Ангарова в связи с этой историей. Произошла новая „сеча при Керженце“.

Судьба Камерного театра не ясна. Пожалуй, пошлют на „перековку“ на периферию. Это будет полезно. Ведь Завадский процветает в Ростове. Аудитория у него хорошая и к тому же модная: донские казаки.

Ну а Демьян, пожалуй, больше богатым не будет. Уже подсчитали, что он успел получить рублей по 250 за спектакль. А платных спектаклей было 7–8».

Г. Бравин, премьер оперетты: «Мне очень нравится такая крепкая политика. Это действительно – „незвизрая на лица“ Поделом Демьяну – он необычайно циничен. Все у него было – и талант, и библиотека, а он на все наплевал».

⁷ Имеется в виду опубликованная в день премьеры хвалебная статья О. С. Литовского «Богатыри: новая постановка Камерного театра» (Советское искусство. 1936. 29 октября).

Свободин, артист театра оперетты: «Правильно решение комитета. Таировский театр на волоске. Его бы давно уже закрыли, если бы не Литвинов, который покровительствовал ему».

Симонов, театр Вахтангова, заслуженный артист: «У нас в театре постановлением очень довольны. Не любят Таирова как эклектический театр и Д. Бедного как „грубого“ автора.

Постановление замечательное. Если в решении о МХАТ 2 было много неясного (за что же закрыли театр), то этот документ замечательно умный и ясный».

Горчаков, режиссер, заслуженный артист МХАТа: «Пьеса эта – набор слов. Ничего интересного. Постановление правильное».

Дзержинский, композитор, автор «Тихого Дона»: «Я собираюсь писать оперу „Пугачев“. После этого постановления комитета я не знаю, как мне быть. Я хотел бы поговорить с кем-нибудь из руководящих товарищей. Теперь к исторической теме надо подходить с предельной осторожностью».

Охлопков, художественный руководитель реалистического театра: «Сейчас надо быть на страже. Это сигнал. Пьесы надо давать читать коллективу. Надо осторожно относиться к репертуару. Для нашего брата – большой урок».

Поль, артист театра Сатиры: «Очень рад, что по Демьяну ударили: он так было зазнался, что два пальца подавал; а вот Таирова жалко. Правда, он тоже должен был смотреть, но за Демьяном снял с себя бдительность».

Орбели, академик, директор Эрмитажа (после совещания в комитете искусств): «Какие выводы? Постановление замечательное. Бить, однако, надо не столько Таирова, сколько Демьяна Бедного. Нельзя добивать Таирова. Возмутил меня Мейерхольд. Это хулиганское выступление. Это гаерство».

Рошаль, заслуженный деятель искусств, кинорежиссер: «Ничего не понимаю. Не знаю, за что теперь братья. Оказывается, что вообще нельзя ставить никакой сатиры».

Птушко, заслуженный деятель искусств и кинорежиссер: «Я вообще растерялся. Попробовали посмеяться над крещением Руси, и то, оказывается, нельзя. Страшно работать, у меня опускаются руки».

Ленин, заслуженный артист Малого театра: «Спектакль снят. Молодцы. При царе Николае был один цензор, который единолично мог решать вопросы, а сейчас наши цензоры испугались Демьяна Бедного и пропустили спектакль».

Ярон, премьер оперетты: «Я в отчаянии, я чувствую себя снова беззащитным. Если Керженцев, который видел „Богатырей“ пропустил и даже аплодировал им, теперь пишет также статью, значит и наш спектакль могут снять, дав уничтожающую критику вещи, которую вчера восхваляли, если кому-то выше не понравилось. Это безнадежное двурушничество и трусость действуют деморализующе».

Д. Н. Морозов, драматург: «Таиров хотел нажить себе политический капитал пьесой Д. Бедного и „оскоромился“. Впрочем, разве от Д. Бедного можно было ждать высококачественной художественной продукции? Плакат подписать – это еще очень далеко до подлинной драматургии. А то, что пьесу сняли, то здесь по меньшей мере виноват Керженцев. Пьеса снята, конечно, по указанию „хозяина“. И правильно. Пора говорить о культуре на полный голос».

В. А. Аверьянов, драматург: «Поражаешься нашей ловкости рук. Главискусство в лице Керженцева разрешило постановку „Богатырей“. Я не верю, что Керженцев не знал и не давал своей положительной оценки этой пьесе Демьяна. Ведь Камерный театр не какой-нибудь заштатный театр третьего положения. Таировский театр один из ведущих московских театров, и Керженцев, делающий театральную политику, не мог не знать, что делается в его театре. А тут – здорово живешь – тот же Керженцев бьет по морде и Демьяна, и Таирова, и, кстати, Литовского – своего подголоска. Где же предел ловкости рук?»

Ромм Михаил, кинорежиссер: «По-существу, конечно, статья правильная, и всем досталось по заслугам. Но где же комитет искусств был раньше? Очевидно, этот спектакль смотрел кто-либо из членов правительства, и Керженцеву предложили самого себя высечь»⁸.

Аркадин, заслуженный артист Камерного театра: «Виноват в истории с „Богатырями“ комитет по делам искусств. Ведь комитет мог не разрешить пьесу к постановке, так как читал пьесу и, наконец, видел генеральную репетицию. Комитет в данном случае преследовал цель опозорить театр».

Голубов, театральный критик «Известий» и «Вечерней Москвы»: «Люди, стоящие далеко от комитета, считают это постановление победой комитета; люди, уже более близкие к событиям, считают, что это удар по комитету».

Литовский, председатель Главреперткома: «Я не выступлю на беспартийном совещании. На совещании членов партии я скажу, что виноват в этом не только Литовский, но и комитет: Керженцев, Боярский, а также Городинский, которые принимали спектакль».

М. Булгаков, автор «Дней Турбиных»: «Это редкий случай, когда Демьян, при его характере, не будет злорадствовать: на этот раз он сам пал жертвой, – а не подхихикивать над другими. Пусть теперь почувствует сам».

*Нач[альник] секр[етно]-полит[ического] отдела ГУГБ комиссар
госуд[арственной] безопасности 2-го ранга МОЛЧАНОВ
Источник: <http://www.idf.ru/3/12.shtml>*

Поздравление Президиума Верховного Совета СССР

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ СТАЛИН!

В день Вашего славного шестидесятилетия Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик горячо приветствует вас – самого любимого и дорогого человека нашей страны и трудящихся всего мира.

Свыше сорока лет своей жизни Вы отдали героической революционной борьбе.

Вместе с великим Лениным Вы создали могучую партию большевиков, которая справедливо называется ныне партией Ленина – Сталина.

Вместе с Лениным Вы организовали великий революционный штурм капиталистического мира в исторические дни Октября. Ближайший сподвижник Ленина, Вы являлись непосредственным руководителем подготовки октябрьского восстания.

Вместе с Лениным строили Вы для защиты молодой Советской республики героическую Красную Армию, показав себя выдающимся полководцем и являясь непосредственным организатором побед Красной Армии на самых трудных и решающих фронтах.

Вы отстаивали от наскоков врагов единство партии, чистоту ленинского учения, двинули большевистскую теорию вперед.

Именно эта Ваша неустанная и непреклонная борьба за большевистскую теорию позволила партии мобилизовать многомиллионные массы трудящихся на разрешение всемирно-исторических задач построения социализма в нашей стране.

Разработанная Вами программа социалистической индустриализации обеспечила превращение нашей страны из страны отсталой, разоренной в могущественную индустриальную державу, вооруженную передовой техникой.

⁸ См. примечание 4.

Под Вашим руководством разрешены всемирно-исторического значения задачи перевода миллионов мелких единоличных крестьянских хозяйств на рельсы крупного, механизированного колхозного хозяйства.

Народ по праву называет пятилетки социалистической стройки – сталинскими пятилетками и связывает победу социализма в нашей стране с Вашим именем, с именем вдохновителя и организатора этой победы.

Вы разработали учение о социалистическом государстве. Ваше имя неразрывно связано со всеми важнейшими мероприятиями по развитию и укреплению Советского государства. Вы являетесь творцом новой Конституции СССР – Конституции победившего социализма.

При Вашем непосредственном участии и по Вашим указаниям происходит перестройка всех советских органов на основе Сталинской Конституции, воплощаются в жизнь принципы развернутого социалистического демократизма. Советское государство становится еще более мощным орудием в борьбе за разрешение новых исторических задач, поставленных Вами на XVIII съезде партии.

Вы развили ленинскую теорию национального вопроса и непосредственно руководили практическим осуществлением национальной политики Советского государства, созданием национальных советских республик. Вместе с Лениным Вы являетесь организатором Союза Советских Социалистических Республик, многонационального социалистического государства рабочих и крестьян.

Под Вашим руководством советский народ разгромил вражеские гнезда вредителей, диверсантов, шпионов и убийц из троцкистско-бухаринского и буржуазно-националистического лагеря, нанеся сокрушительный удар по антисоветским замыслам империалистов.

С гениальной прозорливостью Вы раскрыли махинации провокаторов войны. Ваше мудрое руководство во внешней политике, в условиях развернувшейся второй мировой империалистической войны, обеспечило стране крупнейшие победы, подняло значение СССР как серьезной международной силы, укрепило обороноспособность страны, обеспечило народам Советского Союза мирный труд и дальнейшее процветание социалистического государства.

Вы олицетворяете собой величайшую любовь и преданность своему народу, пламенный советский патриотизм. Свободные народы СССР видят в Вас воплощение силы и могущества своей великой родины.

С Вашим именем доблестная Красная Армия громила на фронтах врагов нашей родины, освобождала наших братьев – украинцев и белоруссов из-под гнета польских помещиков и капиталистов, помогает освобождению финского народа.

Для всех трудящихся, для всего прогрессивного человечества Ваше имя является знаменем борьбы за освобождение от эксплуатации и угнетения.

Славная дата Вашего шестидесятилетия еще больше сплотит могучий советский народ вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Вас, великого вождя, друга и учителя трудящихся, сделает еще более несокрушимым морально-политическим единство советского общества, вдохновит народы Советского Союза на новые героические подвиги в борьбе за коммунизм.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, отмечая в этот день Ваши великие заслуги перед социалистической родиной, шлет Вам свои горячие пожелания еще долгие и долгие годы жить и работать на благо и счастье народов Советского Союза и трудящихся всего мира.

*ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
«Правда», 21.12.1939*

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «Об учреждении премий и стипендий имени Сталина»

В ознаменование шестидесятилетия товарища Иосифа Виссарионовича Сталина Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

I

Учредить 16 премий имени Сталина (в размере 100 тысяч рублей каждая), присуждаемых ежегодно деятелям науки и искусства за выдающиеся работы в области:

1. физико-математических наук,
2. технических наук,
3. химических наук,
4. биологических наук,
5. сельскохозяйственных наук,
6. медицинских наук,
7. философских наук,
8. экономических наук,
9. историко-филологических наук,
10. юридических наук,
11. музыки,
12. живописи,
13. скульптуры,
14. архитектуры,
15. театрального искусства,
16. кинематографии.

II

Учредить Сталинскую премию, присуждаемую ежегодно за лучшее изобретение, – десять первых премий в размере 100 тысяч рублей каждая, двадцать вторых премий в размере по 60 тысяч рублей каждая, тридцать третьих премий в размере по 25 тысяч рублей каждая.

III

Учредить Сталинскую премию, присуждаемую ежегодно за выдающиеся достижения в области военных знаний, – три первых премий в размере 100 тысяч рублей каждая, пять вторых премий в размере 50 тысяч рублей каждая, десять третьих премий в размере 25 тысяч рублей каждая.

IV

Учредить стипендии имени Сталина для наиболее выдающихся учащихся в высших учебных заведениях:

в Артиллерийской ордена Ленина Академии РККА имени Дзержинского – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военно-Политической Академии имени Ленина – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военно-Воздушной Академии имени Жуковского – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военной Академии механизации и моторизации РККА им. Сталина – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военно-Морской Академии имени Ворошилова – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Военно-Медицинской Академии имени Кирова – сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

в Московском Краснознаменном Механико-Машиностроительном Институте имени Н. Э. Баумана – сто стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

в Московском Государственном Университете – сто стипендий по 500 рублей в месяц каждая.

в Ленинградском Индустриальном Институте – сто стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

в Московской Государственной Консерватории – пятьдесят стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

в Ленинградской ордена Ленина Государственной Консерватории – пятьдесят стипендий по 500 рублей в месяц каждая.

в Академии Художеств в г. Ленинграде – пятьдесят стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

в Московском Государственном Институте Театрального Искусства имени А. В. Луначарского – пятьдесят стипендий по 500 рублей в месяц каждая.

для остальных высших военных и военно-морских учебных заведений – четыреста стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая,

для студентов высших учебных заведений, находящихся в ведении Народных Комиссариатов СССР и приравненных к ним центральных учреждений при СНК СССР – тысячу стипендий по 500 рублей в месяц каждая,

для студентов высших учебных заведений, находящихся в ведении союзных республик – тысячу пятьсот стипендий по 500 рублей в месяц каждая.

V

Для лиц, подготавливаемых в ВУЗах и научно-исследовательских институтах к научной деятельности и защите диссертации на степень кандидата наук – учредить сто стипендий по 1.000 рублей в месяц каждая.

Для лиц, подготавливаемых к защите диссертации на степень доктора наук – учредить в Академии Наук СССР пятьдесят стипендий по 1.500 рублей в месяц каждая.

Председатель СНК Союза ССР В. МОЛОТОВ
Управляющий делами СНК Союза ССР М. ХЛОМОВ
Москва, Кремль, 20 декабря 1939 г.
«Правда», 21.12.1939

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «Об учреждении премий имени Сталина по литературе»

В дополнение к постановлению СНК Союза ССР от 20 декабря 1939 г. «Об учреждении премий и стипендий имени Сталина» СНК Союза ССР постановляет:

Учредить четыре премии имени Сталина по 100 тысяч рублей каждая, присуждаемых ежегодно за выдающиеся произведения в области литературы, из них:

одну – по поэзии, одну – по драматургии,

одну – по прозе, одну – по литературной критике.

Председатель СНК Союза ССР В. МОЛОТОВ

Управляющий делами СНК Союза ССР М. ХЛОМОВ

Москва, Кремль, 1 февраля 1940 г.

«Правда», 02.02.1940

Сообщения ТАСС. В Совнарком СССР «О порядке присуждения премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства»

Совет Народных Комиссаров Союза ССР утвердил порядок присуждения премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства.

Премии имени Сталина, учреждаемые Постановлениями Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 декабря 1939 года и 1 февраля 1940 г., присуждаются ежегодно Советом Народных Комиссаров Союза ССР по представлению Комитета по Сталинским премиям в области науки, военных знаний и изобретательства и Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Эти Комитеты образованы при Совете Народных Комиссаров Союза ССР для предварительного рассмотрения работ в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства, представляемых на соискание премий имени Сталина.

Работы в области науки, военных знаний, литературы и искусства, а также заявки или описания изобретений с приложением всех необходимых документальных данных на соискание премий имени Сталина, представляются Комитетам по Сталинским премиям ежегодно не позднее 15 октября, а последними представляются с предложением о присуждении премий в Совет Народных Комиссаров Союза ССР не позднее 1 декабря.

На соискание премий имени Сталина представляются лишь новые работы или изобретения, законченные в год присуждения премий. Работы или изобретения могут представляться научными обществами, научно-исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями и общественными организациями.

Работы или изобретения, законченные в период с 15 октября по 31 декабря, могут быть представлены на соискание премий имени Сталина в следующем году.

Работы в области науки и военных знаний и описания изобретений представляются на любом языке в 3 экземплярах, отпечатанные на пишущей машинке или типографским способом; литературные, музыкальные произведения и проекты архитектурных сооружений представляются в одном экземпляре, а остальные произведения искусства – в оригинале.

Оценка и присуждение премий за работы в области театрального искусства и кинематографии производятся как на основании представленных материалов (пьесы, сценарии, макеты и т. п.), так и на основании имевших место показов кинофильмов и театральных постановок.

Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства публикуются в центральной печати в день 21 декабря. Лицам, получившим Сталинскую премию, выдается диплом.

Комитет по Сталинским премиям в области науки, военных знаний и изобретательства утвержден Советом Народных Комиссаров СССР в составе:

Председателя Комитета – академика Баха А. Н., заместителей Председателя – 1) академика Лысенко Т. Д., 2) Председателя ВКВШ Кафтанова С. В. и членов комитета: Абрикосова А. И., Байкова А. А., Богомолец А. А., Варга Е. С., Вовко А. Г., Веденисова Б. Н., Горева К. В., Дегтярева В. А., Иоффе А. Ф., Кары-Ниязова Т., Коленковского А. К., Комарова В. Л., Косяченко Г. П., Крылова А. Н., Кузнецова В. В., Курнакова Н. С., Логинова М. Н., Манандяна Я. А., Меликова В. А., Митина М. Б., Мухелишвили Н. И., Обручева В. А., Орбели Л. А., Петровского В. А., Поспелова П. Н., Потемкина В. П., Ставицкого С. П., Тарле Е. В., Трайнина И. П., Чернышева А. А., Чудакова Е. А., Шмидта О. Ю., Яковлева А. С., Ярославского Е. М.

Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства утвержден Советом Народных Комиссаров СССР в составе:

Председателя Комитета – народного артиста СССР Немировича-Данченко В. И., заместителей Председателя – 1) Глиэра Р. М., 2) Шолохова М. А., 3) Довженко А. П., и членов Комитета: Асеева Н. Н., Александрова Г. Ф., Александрова А. В., Байсеитовой Куляш, Большакова И. Г., Веснина В. А., Грабаря И. Э., Гольденвейзера А. В., Герасимова А. М., Гурвича А. С., Гаджибекова У., Гулакяна А. К., Дунаевского И. О., Янка Купала, Кузнецова Е. М., Корнейчука А. Е., Луппола И. К., Мухиной В. И., Меркурова С. Д., Малдыбаева Абдылас, Мордвинова А. Г., Москвина И. М., Михоэлса С. М., Мясковского Н. Я., Насыровой Халимы, Самосуда С. А., Симонова Р. Н., Судакова И. Я., Толстого А. Н., Фадеева А. А., Храпченко М. В., Хорава А. А., Чиаурели М. Э., Черкасова Н. К., Шапорина Ю. А., Эрмлера Ф. М.

Совет Народных, Комиссаров Союза ССР утвердил положение об указанных Комитетах по Сталинским премиям при Совете Народных Комиссаров Союза ССР.

(ТАСС) «Правда», 02.04.1940

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) – режиссер, писатель, педагог, теоретик театра, один из основателей МХАТа. Народный артист СССР (1936). Лауреат Сталинской премии (1942, 1943).

Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874/75–1956) – композитор, дирижер, педагог, музыкальный деятель. Лауреат Сталинской премии (1946, 1948, 1950).

Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), действительный член АН СССР (1939). Лауреат Сталинской (1941), Ленинской (1960) и Нобелевской (1965) премий, заместитель председателя Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства и член секции литературы; ввиду большой занятости не присутствовал ни на одном заседании Комитета, секции и не принимал участия в голосовании по выборам кандидатов на Сталинскую премию.

Довженко Александр Петрович (1894–1956) – кинорежиссер, писатель, сценарист. Народный артист РСФСР (1950). Один из основоположников советской кинематографии. Лауреат Сталинской (1941, 1949) и Ленинской премий (присуждена посмертно в 1959 г.).

Асеев Николай Николаевич (1889–1963) – поэт. Лауреат Сталинской (1941) и Ленинской (1962) премий.

Александров Георгий Федорович (1908–1961) – философ. Специализировался в области зарубежной истории, философии и социологии. Выпускник МИФЛИ (1932). В 1938–1941 гг. возглавлял в МИФЛИ кафедру истории философского факультета. С 1940 по 1947 гг. работал в ЦК ВКП(б). В 1947–1954 гг. – директор Института философии АН СССР. Министр культуры СССР (1954–1955). В 1955–1961 гг. работал в Институте философии и права АН БССР. С 1961 г. – проф. Белорусского государственного университета. Действительный член АН СССР (1946).

Александров Александр Васильевич (1883–1946) – композитор, хормейстер. Автор песни «Священная война» (сл. В. И. Лебедева-Кумача), музыки Государственного гимна Советского Союза (Российской Федерации). Народный артист СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1942, 1946).

Байсеитова Куляш (Гульбахрам) Жасымовна (1912–1957) – казахская певица, одна из создателей казахского оперного искусства. Сценическую деятельность начала в 1930 г. В 1934–1957 гг. выступала на сцене Казахского театра оперы и балета. Народная артистка СССР (1936). Лауреат Сталинской премии (1948, 1949).

Большаков Иван Григорьевич (1902–1980) – экономист, кандидат искусствоведения. Управляющий делами СНК СССР, председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, министр кинематографии, 1-й зам. министра культуры, заместитель председателя Государственного комитета СМ СССР по культурным связям с зарубежными странами, позже на научной работе в Институте технической эстетики.

Веснин Виктор Александрович (1882–1950) – архитектор.

Грбарь Игорь Эммануилович (1871–1960) – живописец и историк живописи. Лауреат Сталинской премии (1941).

Гольденвейзер Александр Борисович (1875–1961) – пианист, композитор, педагог, общественный деятель. Основатель одной из крупных отечественных школ фортепьянной музыки. Народный артист СССР (1946). Лауреат Сталинской премии (1947).

Герасимов Александр Михайлович (1881–1963) – живописец, педагог. Председатель Оргкомитета Союза советских художников (1939–1954), президент Академии художеств СССР (1947–1957), действительный член Академии художеств СССР (1947). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1949).

Гурвич Абрам Соломонович (1897–1962) – литературный и театральный критик.

Гаджибеков Узейр Абдул Гусейн оглы (1885–1948) – азербайджанский композитор, музыковед, педагог. Народный артист СССР (1938). Лауреат Сталинской премии (1941, 1946).

Гулакян Армен Карапетович (1899–1960) – режиссер. На сцене с 1918 г. С 1927 г. работал в театре им. Сундукяна (Ереван). Народный артист Армении (1940). Лауреат Сталинской премии (1946, 1950).

Дунаевский Исаак Осипович (Иосифович) (1900–1955) – композитор. Народный артист РСФСР (1950). Лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

Купала Янка (псевд., наст. имя и фам. Иван Доминикович Луцевич; 1882–1942) – белорусский поэт. Печататься начал в 1905 г. За сборник стихов «От сердца» (1940) удостоен Сталинской премии в 1941 г.

Кузнецов Евгений Михайлович (1899/1900–1958) – театровед, автор работ по истории русского и советского цирка и эстрады. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1939).

Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – украинский драматург, государственный деятель. Действительный член АН СССР (1943). Герой Соц. Труда (1967). Лауреат Сталинской (1941, 1942, 1943, 1949, 1951) и Ленинской (1960) премий.

Луцпол Иван Капитонович (1896–1943) – философ, эстетик, литературовед. Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (1935–1940). Действительный член АН СССР (1939). Писал работы по истории философии, эстетики и литературы.

Мухина Вера Игнатьевна (1889–1953) – скульптор. Автор памятников «Пламя революции» (1922–1923), «Крестьянка» (1927), «Рабочий и колхозница» (1935–1937; для советского павильона на Всемирной выставке, 1937 г. в Париже). Народный художник СССР (1943), действительный член Академии художеств СССР (1947). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1951, 1952).

Меркуров Сергей Дмитриевич (1881–1952) – скульптор-монументалист. Народный художник СССР (1943), действительный член Академии художеств (1947). Лауреат Сталинской премии (1941, 1951).

Малдыбаев Абдылас Малдыбаевич (1906–1978) – композитор, певец. Общественный деятель. В соавторстве с В. А. Власовым и В. Г. Фере участвовал в создании первых киргизских опер: «Айчурек» (1939), «Манас» (1946). Автор государственного гимна Киргизской ССР (1946). Народный артист СССР (1939), депутат Верховного Совета 1-го созыва; депутат Верховного Совета Киргизской ССР 2–4 созывов.

Мордвинов (псевд., наст. фам. Мордвишев) Аркадий Григорьевич (1896–1964) – архитектор. Президент Академии архитектуры СССР (1950–1955). Вице-президент Международного союза архитекторов (1953–1957). Лауреат Сталинской премии (1941, 1949).

Москвин Иван Михайлович (1874–1946) – актер театра и кино. Народный артист СССР (1936). Депутат Верховного Совета (1937–1946). Лауреат Сталинской премии (1943, 1946). Брат М. М. Тарханова.

Михоэлс Шломо (наст. имя и фам. Соломон Михайлович Вовси; 1890–1948) – актер, режиссер, педагог, общественный деятель. Народный артист Республики (1935). Народный артист СССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1946).

Мясковский Николай Яковлевич (1881–1950) – композитор, педагог, музыкальный критик, общественный деятель. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1926). Народный артист СССР (1946). Доктор искусствоведения (1940). Лауреат Сталинской премии (1941, 1946 – дважды, 1950, 1951 – посм.).

Насырова Халима (1913–2003) – узбекская певица. В 1930–1939 гг.: – солистка Узбекского музыкально-драматического театра, с 1939 по 1985 гг. – Узбекского театра оперы и балета. Выступала и как концертная певица. В 1979–1986 гг. вела педагогическую деятельность. Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1942, 1951) и Государственной премии Узбекской ССР (1968).

Самосуд Самуил Абрамович (1884–1964) – дирижер. Руководитель оперно-симфонического оркестра Всесоюзного радио (1954–1957). Народный артист СССР (1937). Впервые в СССР поставил (1939) оперу М. И. Глинки «Иван Сусанин». Лауреат Сталинской премии (1941, 1947, 1952).

Симонов Рубен Николаевич (1899–1968) – актер, режиссер и педагог. Народный артист СССР (1946). Лауреат Сталинской (1943, 1947, 1950) и Ленинской (1967) премий.

Судаков Илья Яковлевич (1890–1969) – режиссер, актер, педагог. Народный артист РСФСР (1938). Лауреат Сталинской премии (1942, 1951).

Толстой Алексей Николаевич (1882/83–1945) – писатель, общественный деятель. Депутат Верховного Совета (1937–1945). Действительный член АН СССР (1939). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946 – посм.).

Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – писатель и общественный деятель. 1946–1954 гг. – генеральный секретарь СП СССР, 1946–1956 гг. – депутат Верховного Совета СССР. Вице-президент Всемирного совета Мира. Лауреат Сталинской премии (1946).

Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) – литературовед и общественный деятель. С 1939 по 1948 г. – председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, 1967–1986 гг. – академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР. Член Президиума АН СССР. Президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Действительный член АН СССР (1966). Лауреат Ленинской (1974) и Государственной (1980) премий СССР.

Хорава Акакий Алексеевич (1895–1972) – актер и педагог. Народный артист СССР (1936). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1958). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946 – дважды, 1951).

Чиатурели Михаил Эдишерович (1894–1974) – кинорежиссер, сценарист, общественный деятель. Народный артист СССР (1948). Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1947, 1950). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1954).

Черкасов Николай Константинович (1903–1966) – актер, общественный деятель. Лауреат Сталинской (1941, 1946, 1950, 1951 – дважды) и Ленинской (1964) премий. Депутат Верховного Совета СССР (1950–1956).

Шапорин Юрий (Георгий) Александрович (1887–1966) – композитор, педагог, общественный деятель. Народный артист РСФСР (1947). Народный артист СССР (1954). Лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1952).

Эрмлер Фридрих Маркович (1898–1967) – кинорежиссер. Народный артист СССР (1948). Лауреат Сталинской премии (1941, 1946 – дважды, 1951).

Сообщения ТАСС. В Совнарком СССР «Об изменении порядка присуждения Сталинских премий по науке, изобретениям, литературе и искусству»

Совет народных Комиссаров Союза ССР 20 декабря 1940 года постановляет:

1. Во изменение постановления СНК СССР от 20 декабря 1939 года, для 1940 года, как для итогового в отношении достижений предыдущих лет, Сталинские премии присуждать не только за выдающиеся работы 1940 года, но и за работы последних 6–7 лет.

2. В соответствии с этим установить следующее количество Сталинских премий:

а) по 3 премии первой степени за выдающиеся работы в области науки и искусства в размере 100 тыс. рублей каждая и по 5 премий второй степени в размере 50 тыс. рублей:

1. физико-математических наук,
2. технических наук,
3. химических наук,
4. биологических наук,
5. сельскохозяйственных наук,
6. медицинских наук,
7. философских наук,
8. экономических наук (включая статистику),
9. историко-филологических наук,
10. юридических наук,
11. музыки,
12. живописи,
13. скульптуры,
14. архитектуры,
15. театрально-драматического искусства,
16. оперного искусства,
17. балетного искусства,

18. кинематографии;
б) по 3 премии в размере 100 тысяч рублей каждая за выдающиеся произведения в области литературы, из них:
три – по поэзии,
три – по прозе,
три – по драматургии,
три – по литературной критике;
в) за выдающиеся изобретения (в том числе военные) – двадцать пять премий первой степени в размере 100 тыс. рублей каждая,
сорок – второй степени в размере 50 тыс. рублей каждая, шестьдесят – третьей степени в размере 25 тыс. рублей каждая. 3. Предложить Комитету по Сталинским премиям в области науки и изобретений и Комитету по Сталинским премиям в области литературы и искусства представить свои предложения на утверждение Советом Народных Комиссаров к 15 января 1941 года в соответствии с настоящими изменениями порядка присуждения Сталинских премий.

«Правда», 12.01.1941

Протокол № 1 Общего собрания Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства

16 сентября 1940 года. МХАТ СССР им. Горького.

Присутствовали: Председатель Комитета Вл. И. Немирович-Данченко, зам. председателя Р. М. Глиэр и 24 члена Комитета, расписавшиеся на прилагаемом листе. (Из отсутствовавших 14-ти членов Комитета дали знать о невозможности быть на заседании: по болезни – К. Байсеитова, А. М. Герасимов, А. П. Довженко, С. Д. Меркуров, И. М. Москвин; по занятости – У. Гаджибеков, А. Е. Корнейчук, А. А. Хорава, М. А. Шолохов; без предупреждения отсутствуют: Г. Ф. Александров, Янка Купала, И. К. Луппол, А. Г. Мордвинов, Х. Насырова.)

Заседание стенографируется.

Слушали: 1. Предложение председателя Комитета Вл. И. Немировича-Данченко послать приветствие и благодарность за доверие, оказанное членам Комитета, главе правительства тов. В. М. Молотову.

Постановили: принять (л. 1) <...>

Слушали: 3. Предложение Вл. И. Немировича-Данченко о создании четырех секций:

- 1) литературы (проза, поэзия, драматургия, худож. критика)
- 2) театра и кино
- 3) музыки
- 4) живописи, скульптуры и архитектуры и о следующем распределении членов Комитета по секциям.

А. Фадеев, А. Герасимов, И. Москвин и А. Толстой на заседании по Сталинским премиям

Секция литературы: тт. Александров Г. Ф., Асеев, Гулакян, Гурвич, Корнейчук, Луппол, Толстой, Фадеев, Шолохов, Янка Купала.

Секция театра и кино: тт. Александров Г. Ф., Байсеитова, Большаков, Глиэр, Гулакян, Гурвич, Довженко, Кузнецов, Михоэлс, Малдыбаев, Москвин, Насырова, Самосуд, Симонов, Судаков, Хорава, Храпченко, Черкасов, Чиаурели, Эрмлер.

Секция музыки: тт. Александров А. В., Александров Г. Ф., Байсеитова, Гаджибеков, Глиэр, Гольденвейзер, Дунаевский, Мясковский, Насырова, Самосуд, Храпченко, Шапорин.

Секция живописи, скульптуры и архитектуры: Александров Г. Ф., Веснин, Герасимов, Грабарь, Меркуров, Мордвинов, Мухина, Храпченко.

Постановили: принять.

Слушали: 4. Предложение Вл. И. Немировича-Данченко передать секциям всю ближайшую подготовительную работу к следующему пленуму Комитета, намечаемому начиная с 15 октября.

Постановили: принять.

Слушали: 5. Предложение Вл. И. Немировича-Данченко о том, чтобы каждая секция избрала из своей среды председателя, ответственного за созыв секции. Работу секретарей секций возложить на референтов Комитета.

Постановили: принять.

Председатель Комитета народный артист Союза ССР

Вл. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Секретарь О. С. БОКШАНСКАЯ

Источник: [41]

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы»

Во исполнение Постановлений Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 декабря 1939 г. и 20 декабря 1940 г. о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в обла-

сти искусства и литературы в период последних 6–7 лет, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Присудить Сталинские премии за выдающиеся работы в области:

А. МУЗЫКИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. МЯСКОВСКОМУ Николаю Яковлевичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору Московской Государственной Консерватории им. П. И. Чайковского за 21-ю симфонию, исполняемую с 1940 года.

2. ШАПОРИНУ Юрию Александровичу – профессору Московской Государственной Консерватории им. П. И. Чайковского за симфонию-кантату «На поле Куликовом», исполняемую с 1939 года.

3. ШОСТАКОВИЧУ Дмитрию Дмитриевичу – профессору Ленинградской ордена Ленина Государственной Консерватории за фортепианный квинтет, исполняемый с 1940 года.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. БОГАТЫРЕВУ Анатолию Васильевичу, за оперу «В пущах Полесья», поставленную на сцене Белорусского ордена Ленина Государственного театра оперы и балета в 1940 году.

2. ГАДЖИБЕКОВУ Узеиру, народному артисту СССР, профессору Азербайджанской Государственной Консерватории, за оперу «Кер оглы», поставленную на сцене в 1937 году.

3. КИЛАДЗЕ Григорию Варфоломеевичу – за симфоническую поэму «Отшельник», исполняемую с 1936 года.

4. РЕВУЦКОМУ Льву Николаевичу – профессору Киевской Государственной Консерватории, за 2-ю симфонию, исполняемую с 1940 года.

5. ХАЧАТУРЯНУ Араму Ильичу – заслуженному деятелю искусств Армянской ССР, за скрипичный концерт, исполняемый с 1940 года.

Б. ЖИВОПИСИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ГЕРАСИМОВУ Александру Михайловичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР, за картину «Сталин и Ворошилов в Кремле», законченную в 1938 году.

2. ИОГАНСОНУ Борису Владимировичу – профессору Всероссийской Академии Художеств, за картину «На старом Уральском заводе», законченную в 1937 году.

3. НЕСТЕРОВУ Михаилу Васильевичу – академику живописи, за портрет академика Павлова И. П., законченный в 1935 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ЕФАНОВУ Василию Петровичу – за картину «Незабываемая встреча», законченную в 1938 году.

2. САМОКИШУ Николаю Семеновичу – академику живописи, за картину «Переход через Сиваш», законченную в 1935 году.

3. САРЬЯНУ Мартиросу Сергеевичу – народному художнику Армянской ССР, за оформление оперы «Алмаст» Спендиарова, поставленной на сцене Ереванского ордена Ленина театра Оперы и Балета в 1939 году.

4. ТОИДЗЕ Ираклию Моисеевичу – за иллюстрации к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», выполненные в 1937 году.

5. ФЕДОРОВСКОМУ Федору Федоровичу – за оформление оперы «Князь Игорь» Бородин, поставленной на сцене Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР в 1934 году.

В. СКУЛЬПТУРЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. МЕРКУРОВУ Сергею Дмитриевичу – заслуженному деятелю искусств Армянской ССР, за скульптурную фигуру И. В. Сталина на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (1940 г.) и скульптурную фигуру В. И. Ленина в зале заседаний Верховного Совета СССР (1939 г.).

2. МУХИНОЙ Вере Игнатьевне – за скульптуру «Рабочий и колхозница», законченную в 1937 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ИНГАЛ Владимиру Иосифовичу и БОГОЛЮБОВУ Вениамину Яковлевичу – за скульптурную фигуру С. Орджоникидзе, законченную в 1937 году.

2. КАКАБАДЗЕ Силовану Якимовичу – за монумент товарищу Сталину, сооруженный в г. Тбилиси в 1939 году.

3. МАНИЗЕРУ Матвею Генриховичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору Всероссийской Академии Художеств, за памятник В. И. Ленину в гор. Ульяновске, сооруженный в 1940 году.

4. ТОМСКОМУ Николаю Васильевичу – за памятник С. М. Кирову в гор. Ленинграде, сооруженный в 1939 году.

Г. АРХИТЕКТУРЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ЗАБОЛОТНОМУ Владимиру Игнатьевичу – за архитектурный проект здания Верховного Совета УССР в гор. Киеве, сооруженного в 1939 году.

2. ЧЕЧУЛИНУ Дмитрию Николаевичу – за архитектурные проекты станций «Киевская» и «Комсомольская площадь» Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича, сооруженных в 1935–1938 гг.

3. ЩУСЕВУ Алексею Викторовичу – академику архитектуры, за архитектурный проект здания Института Маркса – Энгельса – Ленина в гор. Тбилиси, сооруженного в 1938 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ДУШКИНУ Алексею Николаевичу и ЛИХТЕНБЕРГУ Якову Григорьевичу – за архитектурный проект станции «Дворец Советов» Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича, сооруженной в 1935 году.

2. ИОФАНУ Борису Михайловичу – академику архитектуры, за архитектурный проект здания советского павильона на Парижской выставке 1937 года.

3. ДАДАШЕВУ Садыху Алекперовичу и УСЕЙНОВУ Микаэль Алескеровичу – за архитектурный проект павильона Азербайджанской ССР на Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке в г. Москве, сооруженного в 1939 году.

4. КУРДИАНИ Арчилу Григорьевичу – за архитектурный проект павильона Грузинской ССР на Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке в г. Москве, сооруженного в 1939 году.

5. МОРДВИНОВУ Аркадию Григорьевичу, академику архитектуры и ГОЛЬЦУ Григорию Павловичу, академику архитектуры, – за архитектурные проекты жилых домов на Калужской улице, в г. Москве, построенных в 1940 году.

Д. ТЕАТРАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ТАРАСОВОЙ Алле Константиновне – народной артистке СССР, артистке Московского ордена Ленина и Трудового Красного Знамени Художественного Академического театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-драматического искусства.

2. ХОРАВЕ Акакию Алексеевичу – народному артисту СССР, артисту Тбилисского театра им. Руставели за выдающиеся достижения в области театрально-драматического искусства.

3. ХМЕЛЕВУ Николаю Павловичу – народному артисту СССР, артисту Московского ордена Ленина и Трудового Красного Знамени Художественного Академического театра СССР им. М. Горького за выдающиеся достижения в области театрально-драматического искусства.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. БАБАНОВОЙ Марии Ивановне – заслуженной артистке РСФСР, артистке Московского театра Революции за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

2. БУЧМЕ Амвросию Максимилиановичу – народному артисту УССР, артисту Киевского ордена Ленина Драматического театра им. Франко за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

3. ВАГАРШЯНУ Вагаршу Богдановичу – народному артисту Армянской ССР, артисту Ереванского Государственного театра имени Сундукяна за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

4. ГЛЕБОВУ Глебу Павловичу – народному артисту БССР, артисту Первого Белорусского Государственного Драматического театра за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

5. СКОРОБОГАТОВУ Константину Васильевичу – народному артисту РСФСР, артисту Ленинградского Ордена Трудового Красного Знамени Академического театра имени Пушкина за большие достижения в области театрально-драматического искусства.

Е. ОПЕРНОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. БАРСОВОЙ Валерии Владимировне – народной артистке СССР, артистке Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-вокального искусства.

2. МИХАЙЛОВУ Максиму Дормидонтовичу – народному артисту СССР, артисту Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-вокального искусства.

3. РЕЙЗЕНУ Марку Осиповичу – народному артисту СССР, артисту Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-вокального искусства.

4. КОЗЛОВСКОМУ Ивану Семеновичу – народному артисту СССР, артисту Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за выдающиеся достижения в области театрально-вокального искусства.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. АЛЕКСАНДРОВСКОЙ Ларисе Помпеевне – народной артистке СССР, артистке Белорусского Ордена Ленина театра Оперы и Балета за большие достижения в области театрально-вокального искусства.

2. ГАЙДАЙ Зое Михайловне, народной артистке УССР – артистке Киевского Ордена Ленина театра оперы и балета имени Шевченко за большие достижения в области театрально-вокального искусства.

3. ЛЕМЕШЕВУ Сергею Яковлевичу – заслуженному артисту РСФСР, артисту Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра СССР за большие достижения в области театрально-вокального искусства и кино-искусства.

4. ПАЗОВСКОМУ Арию Моисеевичу – народному артисту СССР, – за постановку оперы «Иван Сусанин» Глинки на сцене Ленинградского ордена Ленина театра оперы и балета им. С. М. Кирова в 1939 году.

5. САМОСУДУ Самуилу Абрамовичу – народному артисту СССР, – за постановку оперы «Иван Сусанин» Глинки на сцене Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР в 1939 году.

6. ШПИЛЛЕР Наталье Дмитриевне, артистке Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР за большие достижения в области театрально-вокального искусства.

Ж. БАЛЕТНОГО ИСКУССТВА

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ЛЕПЕШИНСКОЙ Ольге Васильевне – артистке балета Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР – за выдающиеся достижения в области балетного искусства.

2. УЛАНОВОЙ Галине Сергеевне – народной артистке РСФСР, артистке балета Ленинградского ордена Ленина театра оперы и балета им. С. М. Кирова – за выдающиеся достижения в области балетного искусства.

3. ЧАБУКИАНИ Вахтангу Михайловичу – заслуженному деятелю искусств РСФСР, артисту балета Ленинградского ордена Ленина театра оперы и балета им. С. М. Кирова – за выдающиеся достижения в области балетного искусства.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ДУДИНСКОЙ Наталии Михайловне – заслуженной артистке РСФСР, артистке балета Ленинградского ордена Ленина театра оперы и балета имени С. М. Кирова – за большие достижения в области балетного искусства.

2. МЕССЕРЕРУ Асафу Михайловичу – заслуженному артисту РСФСР, артисту балета Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР – за большие достижения в области балетного искусства.

3. СЕМЕНОВОЙ Марине Тимофеевне, заслуженной артистке РСФСР, артистке балета Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР – за большие достижения в области балетного искусства.

4. ФАЙЕРУ Юрию Федоровичу – народному артисту РСФСР, дирижеру Государственного ордена Ленина Академического Большого театра СССР – за высокое мастерство дирижирования балетами.

5. ХАНУМ Тамаре – народной артистке Узбекской ССР, за высокое мастерство в исполнении народных танцев.

3. ПО КИНЕМАТОГРАФИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей 1. АЛЕКСАНДРОВУ Григорию Васильевичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР; ОРЛОВОЙ Любове Петровне, заслуженной артистке РСФСР, и ДУНАЕВСКОМУ Исааку Осиповичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, композитору, и ИЛЬИНСКОМУ Игорю Владимировичу, артисту – за кинокартины: «Цирк», вышедшую в 1936 г. и «Волга-Волга», вышедшую в 1938 г.

2. ВАСИЛЬЕВУ Сергею Дмитриевичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ВАСИЛЬЕВУ Георгию Николаевичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР и БАБОЧКИНУ Борису Андреевичу, народному артисту РСФСР – за кинокартину «Чапаев», вышедшую в 1934 г.

3. ДОВЖЕНКО Александру Петровичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств СССР, САМОЙЛОВУ Евгению Валериановичу и СКУРАТОВУ Ивану Федоровичу, артистам – за кинокартину «Щорс», вышедшую в 1939 г.

4. КОЗИНЦЕВУ Григорию Михайловичу, режиссеру, ТРАУБЕРГУ Леониду Захаровичу, режиссеру и ЧИРКОВУ Борису Петровичу, заслуженному артисту РСФСР – за кинокартины: «Юность Максима», «Возвращение Максима» и «Выборгская сторона», вышедшие в 1935–1939 гг.

5. РОММУ Михаилу Ильичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, КАП-ЛЕРУ Алексею Яковлевичу, кинодраматургу, ЩУКИНУ Борису Васильевичу, народному артисту СССР и ОХЛОПКОВУ Николаю Павловичу, артисту – за кинокартины: «Ленин в Октябре», вышедшую в 1937 г., и «Ленин в 1918 г.», вышедшую в 1939 г.

6. ПЕТРОВУ Владимиру Михайловичу, режиссеру, заслуженному артисту РСФСР, СИМОНОВУ Николаю Константиновичу, народному артисту РСФСР и ЖАРОВУ Михаилу Ивановичу, заслуженному артисту РСФСР – за кинокартины «Петр первый» (1-я и 2-я серии), вышедшие в 1937 г. и 1939 г.

7. ПУДОВКИНУ Всеволоду Илларионовичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ДОЛЛЕРУ Михаилу Ивановичу, режиссеру, ЛИВАНОВУ Борису Николаевичу, народному артисту РСФСР, ХАНОВУ Александру Александровичу, артисту и ЧЕРКАСОВУ (Сергееву) Николаю Петровичу, артисту – за кинокартины: «Минин и Пожарский», вышедшую в 1939 году, и «Суворов», вышедшую в 1940 г.

8. ПЫРЬЕВУ Ивану Александровичу, режиссеру, КРЮЧКОВУ Николаю Афанасьевичу, артисту и ЛАДЫНИНОЙ Марине Алексеевне, артистке – за кинокартину «Трактористы», вышедшую в 1939 году.

9. ЧИАУРЕЛИ Михаилу Эдишеровичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР, ГЕЛОВАНИ Михаилу Георгиевичу, артисту и БАГАШВИЛИ Спартаку Левановичу, артисту – за кинокартины: «Арсен», вышедшую в 1937 г., и «Великое зарево», вышедшую в 1936 г.

10. ЭЙЗЕНШТЕЙНУ Сергею Михайловичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ПАВЛЕНКО Петру Андреевичу, кинодраматургу, ЧЕРКАСОВУ Николаю Константиновичу, народному артисту РСФСР и АБРИКОСОВУ Андрею Львовичу, артисту – за кинокартину «Александр Невский», вышедшую в 1938 г.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. БЕК-НАЗАРОВУ Амо Ивановичу, режиссеру, народному артисту Армянской ССР, НЕРСЕСЯН Грация, народному артисту Армянской ССР и АВЕТЕСЯН Авет, народному артисту Армянской ССР – за кинокартину «Зангезур», вышедшую в 1938 г.

2. БЕЛЯЕВУ Василию Николаевичу, режиссеру, ЕШУРИНУ Владимиру Семеновичу, КОГАН Соломону Яковлевичу, СИМОНОВУ Георгию Александровичу, ФОМИНУ Сергею Николаевичу, ПЕЧУЛУ Филиппу Ивановичу, операторам хроники, и СОКОЛОВСКОМУ Алексею Николаевичу, ассистенту оператора хроники, – за кинокартину «Линия Маннергейма», вышедшую в 1940 г.

3. ГЕРАСИМОВУ Сергею Апполинариевичу, режиссеру и МАКАРОВОЙ Тамаре Федорне, артистке – за кинокартину «Учитель», вышедшую в 1939 г.

4. ДЗИГАНУ Ефиму Львовичу, режиссеру, ПОКРАССУ Дмитрию Яковлевичу, композитору – за кинокартины «Мы из Кронштадта», вышедшую в 1936 г., и «Если завтра война», вышедшую в 1938 г.

5. ДОНСКОМУ Марку Семеновичу, режиссеру, и МАССАЛИТИНОВОЙ Варваре Осиповне, народной артистке РСФСР – за кинокартины: «Детство Горького», вышедшую в 1938 г., и «В людях», вышедшую в 1939 г.

6. ЗГУРИДИ Александру Михайловичу, режиссеру, ПИСКУНОВУ Михаилу Георгиевичу и ТРОЯНСКОМУ Глебу Александровичу, операторам, ЛЕБЕДЕВУ Владимиру Николаевичу и МАНТЕЙФИЛЮ Петру Александровичу, консультантам – за кинокартины: «В глубинах моря», вышедшую в 1939 г., и «Сила жизни», вышедшую в 1940 г.

7. ИВАНОВУ-БАРКОВУ Евгению Алексеевичу, режиссеру, АЛИСОВОЙ Нине Ивановне – артистке и КОРЛИЕВУ Алты, артисту – за кинокартину «Дурсун», вышедшую в 1940 г.

8. ИВАНОВСКОМУ Александру Викторовичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ФЕДОРОВОЙ Зое Алексеевне, артистке и ГАРИНУ Эрасту Павловичу, артисту – за кинокартину «Музыкальная история», вышедшую в 1940 г.

9. КОПАЛИНУ Илье Петровичу и ПОСЕЛЬСКОМУ Иосифу Михайловичу, режиссерам, БОГОМОЛОВУ Николаю Васильевичу, КОВАЛЬЧУКУ Александру Петровичу, КРИЧЕВСКОМУ Абраму Григорьевичу, КОВАЛЬЧУКУ Всеволоду Львовичу, ШТАТЛАНДУ Виктору Александровичу, ШАФРАНУ Аркадию Менделевичу, КОЙФМАНУ Марку Борисовичу, КОЗАКОВУ Абраму Наумовичу – операторам хроники – за кинокартину «На Дунае», вышедшую в 1940 г.

10. ЛУКОВУ Леониду Давидовичу, режиссеру и НИЛИНУ Павлу Филипповичу, кинодраматургу – за кинокартину «Большая жизнь», вышедшую в 1940 г.

11. РАЙЗМАНУ Юлию Яковлевичу, режиссеру, ПЕЛЬТЦЕРУ Ивану Романовичу, заслуженному артисту РСФСР и ДОРОХОВУ Николаю Ивановичу, заслуженному артисту РСФСР – за кинокартину «Последняя ночь», вышедшую в 1937 г.

12. ХЕЙФЕЦУ Иосифу Ефимовичу, режиссеру, и ЗАРХИ Александру Григорьевичу, режиссеру – за кинокартину «Депутат Балтики», вышедшую в 1937 г.

13. ШЕНГЕЛАЯ Николаю Михайловичу, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР и ВАШАДЗЕ Наталии Георгиевне, народной артистке Грузинской ССР за кинокартины: «Элисо», вышедшую в 1936 г. и «Золотистая долина», вышедшую в 1937 г.

14. ЭРМЛЕРУ Фридриху Марковичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР, ЗРАЖЕВСКОМУ Александру Ивановичу, заслуженному артисту РСФСР и БОГОЛЮБОВУ Николаю Ивановичу, артисту – за кинокартины «Великий гражданин» (1-я и 2-я серии), вышедшие в 1938 и 1939 г.г.

15. ЮТКЕВИЧУ Сергею Иосифовичу, режиссеру, заслуженному деятелю искусств РСФСР и ЛЮБОШЕВСКОМУ Леониду Соломоновичу, заслуженному артисту РСФСР за кинокартину «Свердлов», вышедшую в 1940 г.

И. ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. ТОЛСТОМУ Алексею Николаевичу, действительному члену Академии Наук СССР, за роман «Петр Первый».

2. СЕРГЕЕВУ-ЦЕНСКОМУ Сергею Николаевичу – за роман «Севастопольская страда», опубликованный в 1939–1940 г.г.

3. ШОЛОХОВУ Михаилу Александровичу – действительному члену Академии Наук СССР, за роман «Тихий Дон», опубликованный в 1940 г.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. ВИРТЕ Николаю Евгеньевичу – за роман «Одиночество», опубликованный в 1935 г.

2. КИАЧЕЛИ Леону Михайловичу – за роман «Гвади Бигва», опубликованный на грузинском языке в 1938 г. и на русском языке в 1939 г.

3. **НОВИКОВУ-ПРИБОЮ** Алексею Силычу – за роман «Цусима», опубликованный в 1935 году (часть II).

К. ПОЭЗИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **АСЕЕВУ** Николаю Николаевичу – за поэму «Маяковский начинается», опубликованную в 1940 году.

2. **КУПАЛЕ** Ивану Домениковичу – за сборник стихов «От сердца», опубликованный в 1940 году.

3. **ТЫЧИНЕ** Павлу Григорьевичу – члену Академии Наук УССР, за сборник стихов «Чувство единой семьи», опубликованный в 1938 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **ДЖАМБУЛУ ДЖАБАЕВУ** – народному поэту Казахской ССР, за общеизвестные поэтические произведения.

2. **ЛЕБЕДЕВУ-КУМАЧУ** Василию Ивановичу – за тексты к общеизвестным песням.

3. **ЛЕОНИДЗЕ** Георгию Николаевичу – за поэму «Детство вождя», опубликованную в 1939 году.

4. **МИХАЛКОВУ** Сергею Владимировичу – за стихи для детей.

5. **ТВАРДОВСКОМУ** Александру Трифоновичу – за поэму «Страна Муравия» опубликованную в 1936 году.

Л. ДРАМАТУРГИИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **ТРЕНЕВУ** Константину Андреевичу – за пьесу «Любовь Яровая», поставленную в новой редакции в 1937 году.

2. **КОРНЕЙЧУКУ** Александру Евдокимовичу – за пьесы «Платон Кречет» и «Богдан Хмельницкий», поставленные в 1936 и 1939 гг.

3. **ПОГОДИНУ** Николаю Федоровичу – за пьесу «Человек с ружьем», поставленную в 1937 году.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **ВУРГУН** Самеду – за пьесу «Вагиф», поставленную в 1939 году.

2. **КРАПИВЕ** Кондрату Кондратьевичу – за пьесу «Кто смеется последним», поставленную в 1939 году.

3. **СОЛОВЬЕВУ** Владимиру Александровичу – за пьесу «Фельдмаршал Кутузов», поставленную в 1940 году.

М. ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей **ГРАБАРЮ** Игорю Эммануиловичу – заслуженному деятелю искусств, профессору, за книгу «Репин», опубликованную в 1937 году.

ПРИМЕЧАНИЕ:

В частичное изменение Постановления Совнаркома Союза ССР от 20 декабря 1940 года «Об изменениях порядка присуждения Сталинских премий по науке, изобретениям, литературе и искусству» Совет Народных Комиссаров Союза ССР в настоящем Постановлении предусмотрел дополнительно Сталинские премии за выдающиеся работы в количестве:

в области **ОПЕРНОГО ИСКУССТВА**

одна премия ПЕРВОЙ степени,
одна премия ВТОРОЙ степени;
в области КИНЕМАТОГРАФИИ
семь премий ПЕРВОЙ степени,
десять премий ВТОРОЙ степени;
в области ЛИТЕРАТУРЫ
по прозе – три премии ВТОРОЙ степени,
по поэзии – пять премий ВТОРОЙ степени,
по драматургии – три премии ВТОРОЙ степени.

*Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. В. МОЛОТОВ.
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР Я. ЧАДАЕВ
Москва, Кремль, 15 марта 1941 г.
«Правда», 16.03.1941*

В Совнаркоме СССР. «Об установлении звания “Лауреат Сталинской премии”»

Совет Народных Комиссаров объявил благодарность всем членам Комитетов по Сталинским премиям и Председателям этих Комитетов – академику Баху А. Н. и народному артисту СССР Немирович-Данченко В. И. за большую работу по предварительному рассмотрению представленных на соискание премии имени Сталина работ в области науки, изобретательства, литературы и искусства.

ТАСС «Правда», 16.03.1941

Совет Народных Комиссаров СССР постановил присвоить деятелям науки, искусства, литературы и изобретателям, получившим Сталинские премии, звание «Лауреат Сталинской премии».

«Советское искусство», 30.03.1941

Свидетельства и мнения

Откуда пошли сталинские премии с разрешения Льва Кандинова⁹ от его имени рассказывает Раиса Сильвер

В шестьдесят пятом году я жил в Душанбе, столице Таджикистана, и работал помощником председателя Совета министров республики Абдулахада Кахарова. Был я молод, энергичен и многое успевал – и в Совмине работать, и переводами с таджикского на русский заниматься (в основном по ночам), и в служебные командировки ездить. Однажды мой начальник, Абдулахад Кахаров, внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Лев Пинхасович, хватит работать, бери путевку и уезжай в отпуск. Мне не нравится твой вид. Куришь как паровоз, побледнел, осунулся. Чтобы я тебя в понедельник здесь не видел!

В следующий понедельник я улетел отдыхать в подмосковный правительственный пансионат Лесные Дали. Пансионат расположен в одном из красивейших уголков Подмосковья. Кружевные березовые рощи, пронизанный солнцем сосновый бор, заросшие травой нехоженные тропы, алые ягоды малины на склонах темных оврагов, стрекотание кузнечиков в усеянной ромашками траве. Целыми днями я пропадал в окрестных рощах и лесах, даже к обеду опаздывал. Мой сосед по пансионату Якуб Атабаев (он был постоянным представителем Таджикистана в Москве) шутиливо говорил:

– Лев, признайтесь, не иначе как вы решили оставить работу в Совмине и устроиться в этих местах на должность лесника. А что семья, согласна?

Мне очень нравилось собирать грибы, хотя какой из меня грибник? Я ведь родился в Баку, учился, работал и жил в Душанбе. Другое дело – хлопок, или, скажем, виноград. Отменным грибником был наш сосед по пансионату, невысокий крепыш лет семидесяти, коренастый, в панамке на наголо обритой голове. Каждое утро он уходил в лес и возвращался к обеду с корзиной, полной отличных белых грибов.

– Да где же вы такие грибы находите, это же чудо просто, один в один, – восхищался я.

– А я слово знаю, – шутил он. – Как скажу, так они и вылезают из укрытия.

– Вы знаете, кто это? – спросил меня Атабаев, когда мой собеседник отошел от нас на приличное расстояние.

– Кто?

– Поскребышев. Заведующий секретариатом Сталина.

После этого мы, как старые знакомые, раскланивались с Поскребышевым, перекидывались парой слов о погоде, грибах, красотах Подмосковья, а через несколько дней Атабаев подошел ко мне и сказал:

– Лев, сегодня вечером никуда не уходите. Я получил с оказией чудесную дыню из Душанбе. Посидим, пообщаемся. Да, кстати, Поскребышев тоже придет.

Вечер, проведенный в обществе Поскребышева, я вряд ли когда-нибудь забуду. И не только потому, что на нем как бы лежал особый отпечаток личности его многолетнего повелителя (Поскребышев работал со Сталиным с середины 30-х и до 52-го, то есть вплоть до своего ареста, жену же его арестовали в 1949-м, в том же году что и жену Молотова). Мне он

⁹ Лев Кандинов – бывший помощник Председателя Совета министров Таджикистана

был интересен как человек. До самой смерти Поскребышева никому, насколько мне известно, так и не удалось его разговорить.

Сначала мы говорили о местных красотах, потом перешли на новости из нашей республики. Я сказал Атабаеву, что нашего поэта Мумина Каноата вроде бы выдвинули на государственную премию за его поэму «Голоса Сталинграда». Атабаев был очень обрадован, как никак наш поэт, а никакой другой. И, разумеется, мы снова выпили. Теперь уже за присуждение премии хорошему поэту. И тут Поскребышев, который до сих пор, как бы это точнее выразиться, дружелюбно молчал, вдруг сказал:

– А вы знаете откуда пошли сталинские премии?

– Что значит откуда, – не совсем понял я, – Сталин решил их присуждать, вот и...

– Да нет, все было совсем не так, – сказал Поскребышев. – Все было вот как...

В тридцатые годы чем дальше, тем больше, культ Сталина разрастался до невероятных размеров. Любое слово вождя, где бы оно ни было произнесено, немедленно подлежало публикации. И каждый раз – будь то его выступление на съезде, статья в газете или изданные миллионными тиражами книги, в приемную Сталина привозились аккуратно запечатанные пачки новеньких банкнот – очередной гонорар.

Все деньги, которые поступали на имя Сталина, Поскребышев складывал в огромный металлический шкаф, который стоял в приемной. Однажды, это было в начале 1939 года, после того, как из издательства в очередной раз привезли новую порцию денег, Поскребышев стал укладывать их в шкаф и уронил несколько пачек на пол. Он опустился на колени, принялся их подбирать, и в это время в комнату вошел Сталин. Он молча посмотрел на пачки денег в банковской упаковке, лежащие на полу, на испуганное лицо Поскребышева и буркнул:

– Зайди!

По словам Поскребышева, он был очень напуган, хотя вины за собой никакой не видел.

– Что это за деньги? – спросил его Сталин, когда он вошел в кабинет.

– Это то, что вам платят издательства за выступления, публикации.

– Это что же, я один столько получаю?

– Да.

– А почему ты мне не докладывал об этом?

– Я пытался вам сказать, но вы...

Сталин его перебил:

– А что члены Политбюро, они тоже получают гонорары?

– И они тоже.

– Вызови немедленно министра финансов и пусть с ним приедут несколько служащих, которые смогут оприходовать эти деньги.

Очень скоро приехал министр финансов Зверев со своими сотрудниками, которые стали подсчитывать сталинские гонорары. За их работой наблюдали телохранители Сталина.

Сталин приказал немедленно собрать членов Политбюро. Когда запыхавшиеся члены Политбюро явились, Сталин укоризненно поглядел на них:

– Оказывается, мы все тут миллионеры! Куда американцам до нас. У них там всякие Рокфеллеры, Вандербильты... А мы ничуть не хуже, мы скоро еще богаче станем!

Члены Политбюро, ничего не понимали. А Сталин, глядя куда-то поверх их голов, но каждому казалось, что он смотрит только на него, продолжал:

– Как позволяет вам ваша партийная совесть получать деньги за то, что вы говорите или пишете от имени партии? У нас есть талантливые писатели, ученые, но мы им не платим столько, сколько платят вам. Поэтому предлагаю все, что вы получили за партийные публикации, немедленно вернуть в бюджет. И начнем с меня. Видите, – в приемной уже сидят люди и принимают деньги. И сегодня же оформим постановление, запрещающее издательствам

выплачивать гонорары за выступления или печатные публикации членам и кандидатам в члены Политбюро, членам ЦК, а также наркомам и замнаркомам.

Члены Политбюро, как обычно, единогласно поддержали предложение Сталина и тут же кто-то из них предложил:

– А может есть смысл учредить премии в области науки, техники, литературы и искусства, а финансовой их базой станут средства, полученные от партийных публикаций?

И вслед за первым предложением последовало второе.

– Товарищи, в декабре мы будем праздновать 60-летие товарища Сталина. В честь этого знаменательного события предлагаем назвать премии сталинскими и присуждать их ежегодно в день рождения великого вождя!

Сталинские премии были учреждены в декабре 1939 года.

Источник: Раиса Сильвер. Еженедельник «Русский базар» № 1(351) за 2003 год (26.12.2002 – 01.01.2003). Нью-Йорк.

<http://www.russian-bazaar.com/cgi-bin/rb.cgi/n=1&y=2003&from=archive>

В. Александров. Из работы «М. А. Шолохов в документах Комитета по Сталинским премиям 1940–1941 гг.»

Председатель Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства Вл. И. Немирович-Данченко разослал письма в творческие организации с предложением выдвигать кандидатов на новую, общегосударственную премию. Одно из таких писем было направлено в Союз писателей СССР. Замещающий А. А. Фадеева секретарь Президиума СП СССР П. А. Павленко в ответном послании просил отсрочки представления кандидатур и аргументировал ее следующим образом: «Нам кажется, однако, что представления будут предварительны, ибо очень трудно решить вопрос о кандидатурах в середине года. Можно допустить, что последующие месяцы вдруг обрадуют нас новыми произведениями высокого достоинства. Не в интересах Комитета по Сталинским премиям было бы отказываться от них.

Во всяком случае, в своем решении о кандидатах мы постараемся учесть и те произведения, которые только готовятся к печатанию и по своим достоинствам заслуживают представления их в возглавляемый Вами Комитет».

26 августа 1940 года состоялось очередное заседание Президиума Правления Союза советских писателей. С докладом о Сталинских премиях выступил П. А. Павленко. Участники заседания постановили: «Имея в виду большое политическое значение, какое будет иметь присуждение премий имени товарища Сталина за лучшие произведения 1940 года, представить Комитету по Сталинским премиям при СНК СССР одну лишь кандидатуру – кандидатуру тов. Шолохова и роман его „Тихий Дон“, окончание которого приходится на 1940 г. Ограничиваясь одной кандидатурой из ряда других, имеющих выдающиеся успехи за текущий год в прозе, поэзии, драматургии и критике, – Президиум ССП СССР подчеркивает этим значение, придаваемое им присуждению премии им. товарища Сталина».

Текст этого постановления был послан Вл. И. Немировичу-Данченко.

Однако Президиум Правления Союза советских писателей 8 октября 1940 года провел еще одно заседание. На этот раз с докладом о Сталинских премиях выступил А. А. Фадеев. В постановлении заседания говорилось: «Выдвинуть для обсуждения на Сталинскую премию следующие произведения: „Тихий Дон“ – Шолохова; „Севастопольская страда“ – Сергеева-Ценского; „Маяковский начинается“ – Асеева; „Книга лирических стихов“ – Щипачева; „Пламя на болотах“ – В. Василевской».

В делах Союза писателей СССР сохранилась копия рецензии А. Н. Толстого на роман М. А. Шолохова «Тихий Дон». Рецензия, вероятно, была отправлена в Комитет по Сталин-

ским премиям в области литературы и искусства вместе с представлением на М. А. Шолохова, С. Н. Сергеева-Ценского, Н. Н. Асеева, С. П. Щипачева и В. Л. Василевскую. Отметив глубокую народность произведения молодого автора, А. Н. Толстой писал: «Шолохов знает, о чем пишет, и умеет показывать события во всей их объемной ощутимости. Великолепное знание диалекта Кубанского (sic!) казачества помогает ему избегать тех общих большинству советских романов недостатков, которые происходят от слабого знакомства со всей емкостью, сложностью и своеобразием построения народной речи». «Тихий Дон» он сравнивает с великим творением Л. Н. Толстого. «Роман Шолохова – это „Война и мир“ в областном масштабе, – писал А. Н. Толстой. – Это не умаляет его значения. Кстати сказать, кое-где чувствуется и прямая преемственность».

По словам рецензента, Л. Н. Толстой завершил галерею великих русских писателей XIX века, а Шолохов «начинает новую народную прозу, скрепляя ее со старшими богатырями».

13 августа 1940 года Президиум Академии наук СССР принял постановление «О порядке рассмотрения заявлений на соискание премии имени Сталина», в котором давались рекомендации Секретариату Президиума АН СССР и директорам институтов АН СССР о правилах рассмотрения дел кандидатов на Сталинскую премию. Институты Академии наук СССР, выдвигающие своих кандидатов на соискание Сталинских премий, должны, согласно постановлению, направлять свои представления через Отделения Академии наук в соответствующий Комитет по Сталинским премиям, ставя в известность Президиум АН СССР.

3 сентября 1940 года состоялось заседание Ученого совета Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Присутствовали: члены Ученого совета: академик М. М. Покровский, проф. Л. И. Пономарев, проф. Н. К. Гудзий, проф. Д. Д. Благой, ст. научный сотрудник Б. П. Козьмин, В. В. Морозов, С. Л. Симовский, М. П. Венгров. Были приглашены: член-корр. АН СССР С. И. Соболевский, проф. Е. Гальперина, проф. З. Г. Гринберг, ст. научный сотрудник Б. В. Горнунг, Ф. А. Петровский, Н. П. Белкина, Е. М. Евнина, асп. Гильдина. Первым пунктом повестки дня рассматривался вопрос «О кандидатах института на премии им. И. В. Сталина». Председателем на заседании Ученого совета был Л. И. Пономарев. «Группа работников института и директор института ак. Луппол, – сказал он, – обсуждая работу института 1940 г., пришли к заключению, что из работ института можно было бы с достаточной смелостью представить как достойный премии имени Сталина труд академика М. М. Покровского – учебник „Курс истории римской литературы“ <...> Во-вторых, Институту литературы им. Горького надлежало бы представить в соответствующий Комитет по обсуждению Сталинских премий и некоторые из произведений художественной литературы последнего времени, которые, по мнению членов Ученого совета института, заслуживали бы такого представления. Группа работников и директор Института ак. Луппол полагали бы, что крупнейшим произведением художественной литературы, законченным в настоящем году, является „Тихий Дон“ Шолохова, 4-я часть которого опубликована сейчас. Есть специальное представление, составленное по поручению дирекции института старшим научным сотрудником К. Л. Зелинским». Ученый секретарь М. П. Венгров огласил представление К. Л. Зелинского. Взявший после него слово академик М. М. Покровский сказал: «Соседство с таким знаменитым реалистом – молодым и полным силы Шолоховым, мне очень лестно, но мне до известной степени невыгодно». За ним выступил С. Л. Симовский. Он сказал: «Мы, выдвигая на премии имени Сталина работу ак. М. М. Покровского в части историко-литературных работ и работу Шолохова – его роман „Тихий Дон“ 4-ю часть, выдвигаем очень интересные, большие и действительно капитальные работы, которые Сталинской премии, с моей точки зрения, вполне заслуживают, тем более что я полагаю, что и литературная, и филологическая общественность встретят эти наши утверждения с большим удовлетворением, ибо эти две работы действительно Сталинской премии заслуживают».

Н. К. Гудзий о романе М. А. Шолохова сказал: «Как читатель, я знаком с „Тихим Доном“ Шолохова и считаю, что это явление огромного масштаба, это произведение, которым русская литература вправе гордиться и которое заслуживает того, чтобы его поставить рядом с выдающимися произведениями европейской литературы. Из беллетристических произведений художественной литературы нет такого произведения, которое в этом отношении могло бы конкурировать с „Тихим Доном“ Шолохова, и наш выбор „Тихого Дона“ с этой точки зрения представляется вполне удачным».

В конце заседания Л. И. Пономарев обратился к присутствующим со словами:

«Позвольте записать в качестве постановления:

1. Представить труд ак. Мих. Мих. Покровского учебник „Курс истории римской литературы“ на соискание премии имени товарища Сталина по разряду историко-филологических наук.

2. Представить роман ак. Шолохова „Тихий Дон“ на соискание премии имени товарища Сталина по разряду художественной литературы».

Это предложение было всеми принято.

16 сентября 1940 года и. о. директора Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР Л. И. Пономарев направил в Отделение литературы и языка АН СССР представление на М. А. Шолохова. Этот документ никогда не публиковался. Принимая во внимание, что он представляет историко-литературное значение, мы приводим его полностью:

«Институт мировой литературы им. А. М. Горького – в соответствии с Постановлением СНК СССР от 21 дек<абр> 1939 года об учреждении ежегодных премий имени И. В. Сталина за лучшие произведения в области науки, техники и литературы, – согласно решению Ученого совета Института от 3/IX 1940 г. выдвигает кандидатом на соискание премии им. И. В. Сталина по художественной литературе академика – писателя М. А. Шолохова за его роман „Тихий Дон“.

Последняя (4-я) книга этого романа окончена и опубликована автором в настоящем, 1940 году. Эта книга „Тихого Дона“ сама по себе является выдающимся художественным произведением. Вместе с тем эта книга завершает четырнадцатилетний труд М. Шолохова по созданию великой эпопеи нашего времени, каким является „Тихий Дон“.

В своем произведении академик – писатель М. Шолохов мастерски нарисовал широкую картину жизни казачества времен империалистической войны и первых лет Великой Социалистической революции. Прекрасный мастер художественного слова – он сумел дать художественное выражение этой эпохи и в ее частных проявлениях, и в событиях всемирно-исторического значения. М. Шолохов показал и жизнь отдельной казацкой семьи, и участие казачества в империалистической войне, классовое расслоение в казацкой среде и рост революционных настроений среди трудовой, бедняцкой части казачества, остро борющейся с сопротивлением революции со стороны казаков-кулаков, защитников старого уклада. „Тихий Дон“ – в этом смысле – историческое произведение. В нем М. Шолохов впервые и во всех подробностях излагает историю гражданской войны на Дону, историю Подтелковского революционного движения, верхне-донского восстания и других исторических событий от начала Октябрьской революции до разгрома белогвардейских армий и распада их на отдельные банды. Пред глазами читателя в эпопее М. Шолохова проходит обширная галерея исторических участников этих событий от Подтелкова и Кривошлыкова до деятелей белого Дона, царских генералов и продумных политиков, которые в борьбе против Советской власти всячески пытались эксплуатировать сословные традиции казачества и его прежнее привилегированное положение в России.

С замечательной художественной силой и глубиной подлинного реалиста Шолохов показал на истории одной семьи Мелеховых, как старые сословно-казацкие предрассудки приходят в противоречие с коренными интересами всего народа, героически борющегося за социализм под водительством партии Ленина – Сталина. М. Шолохов показал, как рушатся старые пред-

рассудки и традиции, отбрасывая людей, цепляющихся за них, и как на первый план выходят новые люди, типа Михаила Кошевого, большевика из казаков же, из казацкой трудовой бедноты. На истории центрального героя романа Григория Мелехова М. Шолохов показал, что даже человек народа, наделенный к тому же хорошими человеческими качествами, становится отщепенцем, если он, хотя бы в силу случайных обстоятельств, делается защитником собственного строя, старого сословного уклада.

С покоряющим художественным мастерством создал М. Шолохов в своем романе типические образы казаков и казачек: Г. Мелехова, М. Кошевого, Пантелея Прокофьевича, Ильинишны, Аксины, Степана Астахова, Натальи, Дуняши и др. Все эти и другие образы эпопеи отныне прочно войдут в русскую литературу. Несмотря на драматизм самого сюжета „Тихого Дона“ и многие трагические сцены, – роман дышит великим оптимизмом и верой в жизнь. Со страниц этого романа веет силой, размахом и талантом русского народа, с его щедрым творчеством, с его силой, с его песнями, пословицами, с его крепкими жизненными поведенческими поступками.

„Тихий Дон“ представляет выдающееся явление и по своему языку, богатому местными речениями, и вместе с тем, полному красок и выразительности русского литературного языка. „Тихий Дон“ превосходно рисует русскую природу, донские степи и доли, родную русскую землю. Творение М. Шолохова будит любовь к родине, любовь к великому русскому народу и веру в него. „Тихий Дон“ может быть поставлен по своим художественным достоинствам в ряд с произведениями классиков русской литературы – Л. Н. Толстого, А. М. Горького, как продолжение их традиций. Как и поэзия В. Маяковского, творение М. Шолохова является гордостью литературы социалистического реализма, украшением советской литературы.

Исходя из этих соображений, Институт мировой литературы им. А. М. Горького выдвигает академика – писателя М. Шолохова в качестве достойнейшего кандидата на получение Сталинской премии по художественной литературе (прозе) за 1940 год.

Профессор Л. И. Пономарев, и. о. директора института».

9 октября 1940 года Отделение литературы и языка АН СССР направило представление на М. А. Шолохова в Комитет по присуждению премий им. И. В. Сталина в области литературы и искусства.

В сопроводительном письме говорилось:

«Отделение литературы и языка Академии наук СССР препровождает решение Института мировой литературы им. А. М. Горького о выдвижении кандидатом на соискание премии им. И. В. Сталина по художественной литературе академика – писателя М. А. Шолохова за его роман „Тихий Дон“.

Первые три тома романа М. А. Шолохова „Тихий Дон“ опубликованы несколько лет тому назад, IV том отдельными главами печатался в 1939 г., а в 1940 г. вышел полностью. Таким образом, окончание всего романа приурочивается к текущему году и, как законченная в 1940 г. работа представлена к премии.

Что касается оценки данного художественного произведения, то Отделение считает его одним из лучших произведений советской эпохи, достойным высокой премии имени И. В. Сталина.

Зам. акад. – секретаря Отделения литературы и языка АН СССР П. И. Лебедев-Полянский Ученый секретарь Отделения Н. А. Энгель.»

Копия письма была направлена в Президиум АН СССР.

Первое заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства состоялось 16 сентября 1940 года. На нем было зачитано постановление Президиума Союза писателей СССР о выдвижении кандидатуры по прозе – 4-й книги романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». На последующих заседаниях Комитета кандидатура М. А. Шолохова и роман «Тихий Дон» стали предметом самого серьезного обсуждения – Сталинская премия была первой.

Источник: Новое о Михаиле Шолохове: Исследования и материалы / РАН; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2003 [41]

Радиоконцерт, посвященный лауреатам Сталинской премии

Вчера вечером по радиостанции имени Коминтерна передавали большой концерт, посвященный присуждению Сталинских премий выдающимся деятелям искусства и литературы.

В концерте участвовали лауреаты Сталинских премий: народные артисты СССР А. К. Тарасова, Н. П. Хмелев, И. С. Козловский, народная артистка РСФСР В. О. Массалитинова, заслуженный артист РСФСР Б. П. Чирков, солистка Академического большого театра Н. Д. Шпиллер, и другие. Большинство выступавших исполняли произведения советских композиторов, удостоенных Сталинских премий.

Перед микрофоном выступили также лауреаты Сталинских премий народный артист РСФСР Ю. Ф. Файер, драматург К. А. Тренёв, кинорежиссер Г. В. Александров, композитор Ю. А. Шапорин.

Концерт продолжался два с половиной часа.

«Правда», 1 7.03.1941

Вручение дипломов деятелям искусства – лауреатам Сталинской премии

Крупнейшие актеры, художники, режиссеры, музыканты, скульпторы, архитекторы, писатели и поэты собрались вчера в Художественном театре имени Горького. Все они – лауреаты Сталинских премий, наиболее выдающиеся мастера литературы и искусств. Им вчера вручены дипломы.

Председатель Комитета по Сталинским премиям В. И. Немирович-Данченко поздравил всех лауреатов с высоким званием, пожелал им дальнейших успехов в творчестве. Речь старейшего мастера советского театра была полна горячей любви к искусству и уверенности в его дальнейшем расцвете.

В. И. Немирович-Данченко говорит о путях развития советского искусства, о синтезе искусств в нашей стране.

– История искусств всех времен и народов, – говорит он, – никогда не знала такого единения всех видов искусств, какое имеется в нашей стране, в наши дни. Это единение осуществлено благодаря мудрости наших вождей. И мы горячо благодарим товарищей Сталина и Молотова за их исключительное внимание к искусству.

Слова В. И. Немировича-Данченко вызывают овацию в зале, крупнейшие мастера советской культуры встают, долго аплодируют, как бывает с людьми, когда оратор выражает их чувства и мысли.

После вступительной речи начинается вручение дипломов. Народный артист СССР И. М. Москвин вызывает лауреатов Сталинских премий к столу. Там В. И. Немирович-Данченко вручает им дипломы и поздравляет. Первые дипломы получают композиторы – автор симфонии-кантаты «На поле Куликовом» Ю. А. Шапорин, автор знаменитого фортепианного квинтета Д. Д. Шостакович, автор оперы «В пущах Полесья» А. В. Богатырев. После этих и ряда других композиторов дипломы вручаются художникам, скульпторам и архитекторам.

К столу подходят театральные деятели. Это – актеры драмы, создавшие правдивые волнующие образы в спектаклях, воспитывающих советский народ в духе преданности родине. Актеров драмы сменяют выдающиеся советские певцы: В. В. Барсова, М. Д. Михайлов, М. О. Рейзен, И. С. Козловский, П. Д. Шпиллер, С. Я. Лемешев. Диплом вручается крупней-

шему советскому дирижеру и постановщику С. А. Самосуду, дирижеру балетных спектаклей Ю. Ф. Файеру. Мастера хореографии сменяют оперных актеров. Дипломы получают Г. С. Уланова, О. В. Лепешинская, В. М. Чабукиани, Н. М. Дудинская, А. М. Мессерер. Затем подходит большая группа деятелей кинематографии, творцов замечательных кинокартин – «Чапаев», «Цирк», «Волга-Волга», трилогии о Максиме, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», «Петр I», «Минин и Пожарский», «Александр Невский», «Трактористы».

К В. И. Немировичу-Данченко подходит Юрий Щукин, сын покойного народного артиста СССР Б. В. Щукина. Он получает диплом лауреата Сталинской премии первой степени, которым отмечена выдающаяся работа его отца, создавшего впервые в советской кинематографии образ В. И. Ленина.

Далее дипломы вручаются писателям, поэтам, драматургам, получившим Сталинские премии за свои выдающиеся произведения.

В. И. Немирович-Данченко вновь желает всем лауреатам Сталинских премий успехов в труде. Долго длится орация в честь лучших мастеров советской культуры, в честь партии Ленина – Сталина, которая воспитала прекрасную плеяду деятелей литературы и искусства, создавших произведения, вдохновляющие советский народ, мобилизующие его на борьбу за процветание и укрепление могущества советского государства.

«Правда», 22.04.1941

Сумбур вместо музыки **Об опере «Леди Макбет Мценского уезда»**

Вместе с общим культурным ростом в нашей стране выросла и потребность в хорошей музыке. Никогда и нигде композиторы не имели перед собой такой благодарной аудитории. Народные массы ждут хороших песен, но также и хороших инструментальных произведений, хороших опер.

Некоторые театры как новинку, как достижение преподносят новой, выросшей культурно советской публике оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Услужливая музыкальная критика превозносит до небес оперу, создает ей громкую славу. Молодой композитор вместо деловой и серьезной критики, которая могла бы помочь ему в дальнейшей работе, выслушивает только восторженные комплименты. Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный, сумбурный поток звуков. Обрывки мелодии, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге. Следить за этой «музыкой» трудно, запомнить ее невозможно.

Так в течение почти всей оперы. На сцене пение заменено криком. Если композитору случается попасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, бросается в дебри музыкального сумбура, местами превращающегося в какофонию. Выразительность, которой требует слушатель, заменена бешеным ритмом. Музыкальный шум должен выразить страсть.

Это все не от бездарности композитора, не от его неумения в музыке выразить простые и сильные чувства. Это музыка, умышленно сделанная «шиворот навыворот», – так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музыкальной речью. Это музыка, которая построена по тому же принципу отрицания оперы, по какому левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова. Это – перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт «мейерхольдовщины» в умноженном виде. Это левацкий сумбур вместо естественной, человеческой музыки. Способность хорошей музыки захватывать массы приносится в жертву мелкобуржуазным формалистическим

потугам, претензиям создать оригинальность приемами дешевого оригинальничания. Это игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо. Опасность такого направления в советской музыке ясна. Левацкое уродство в опере растет из того же источника, что и левацкое уродство в живописи, в поэзии, в педагогике, в науке. Мелкобуржуазное «новаторство» ведет к отрыву от подлинного искусства, от подлинной науки, от подлинной литературы.

Автору «Леди Макбет Мценского уезда» пришлось заимствовать у рассказа его нервозную, судорожную, припадочную музыку, чтобы придать «страсть» своим героям.

В то время как наша критика – в том числе и музыкальная – клянется именем социалистического реализма, сцена преподносит нам в творении Шостаковича грубейший натурализм. Однотонно, в зверином облики представлены все – и купцы и народ. Хищница-купчиха, дорвавшаяся путем убийств к богатству и власти, представлена в виде какой-то «жертвы» буржуазного общества. Бытовой повести Лескова навязан смысл, какого в ней нет.

И все это грубо, примитивно, вульгарно. Музыка крикает, ухает, пыхтит, задыхается, чтобы как можно натуральнее изобразить любовные сцены. И «любовь» размазана по всей опере в самой вульгарной форме. Купеческая двуспальная кровать занимает центральное место в оформлении. На ней разрешаются все «проблемы». В таком же грубо-натуралистическом стиле показана смерть от отравления, сечение почти на самой сцене.

Композитор, видимо, не поставил перед собой задачи прислушаться к тому, чего ждет, чего ищет в музыке советская аудитория. Он словно нарочно зашифровал свою музыку, перепутал все звучания в ней так, чтобы дошла его музыка только до потерявших здоровый вкус эстетов-формалистов. Он прошел мимо требований советской культуры изгнать грубость и дикость из всех углов советского быта. Это воспевание купеческой похотливости некоторые критики называют сатирой. Ни о какой сатире здесь и речи не может быть. Всеми средствами и музыкальной и драматической выразительности автор старается привлечь симпатии публики к грубым и вульгарным стремлениям и поступкам купчихи Катерины Измайловой.

«Леди Макбет» имеет успех у буржуазной публики за границей. Не потому ли похваливает ее буржуазная публика, что опера эта сумбурна и абсолютно аполитична? Не потому ли, что она щекочет извращенные вкусы буржуазной аудитории своей дергающейся, крикливой, неврастенической музыкой?

Наши театры приложили немало труда, чтобы тщательно поставить оперу Шостаковича. Актеры обнаружили значительный талант в преодолении шума, крика и скрежета оркестра. Драматической игрой они старались возместить мелодийное убожество оперы. К сожалению, от этого еще ярче выступили ее грубо-натуралистические черты. Талантливая игра заслуживает признательности, затраченные усилия – сожаления.

«Правда», 28.01.1936

«Балетная фальшь»

О балете «Светлый Ручей» (либретто Ф. Лопухова и Пиотровского, музыка Д. Шостаковича. Постановка Большого театра)

«Светлый Ручей» – это название колхоза. Либретто услужливо указывает точный адрес этого колхоза: Кубань. Перед нами новый балет, все действие которого авторы и постановщики пытались взять из нынешней колхозной жизни. Изображаются в музыке и танцах завершение уборочных работ и праздник урожая. По замыслу авторов балета, все трудности позади. На сцене все счастливы, веселы, радостны. Балет должен быть пронизан светом, праздничным восторгом, молодостью.

Нельзя возражать против попытки балета приобщиться к колхозной жизни. Балет – это один из наиболее у нас консервативных видов искусства. Ему всего труднее переломить традиции условности, привитые вкусами дореволюционной публики. Самая старая из этих традиций – кукольное, фальшивое отношение к жизни. В балете, построенном на этих традициях, действуют не люди, а куклы. Их страсти – кукольные страсти. Основная трудность в советском балете заключается в том, что тут куклы невозможны. Они выглядели бы нестерпимо, резали бы глаза фальшью.

Это налагало на авторов балета, на постановщиков, на театр серьезные обязательства. Если они хотели представить колхоз на сцене, надо изучить колхоз, его людей, его быт. Если они задались целью представить именно кубанский колхоз, надо было познакомиться с тем, что именно характерного в колхозах Кубани. Серьезная тема требует серьезного отношения, большого и добросовестного труда. Перед авторами балета, перед композитором открылись бы богатейшие источники творчества в народных песнях, в народных плясках, играх.

Жизнь колхоза, его новый, еще только складывающийся быт, его праздники – это ведь очень значительная, важная, большая тема. Нельзя подходить к этому с налета, с кондачка, – все равно, в драме ли, в опере, в балете. Тот, кому действительно дороги и близки новые отношения, новые люди в колхозе, не позволит себе превратить это в игру с куклами. Никто не подгоняет наше балетное и музыкальное искусство. Если вы не знаете колхоза, если не знаете, в частности, колхоза на Кубани, не спешите, поработайте, но не превращайте ваше искусство в издевательство над зрителями и слушателями, не опошляйте жизни, полной радости творческого труда.

По либретто Лопухова и Пиотровского на сцене изображен колхоз на Кубани. Но в действительности здесь нет ни Кубани, ни колхоза. Есть соскочившие с дореволюционной кондитерской коробки сусальные «пейзане», которые изображают «радость» в танцах, ничего общего не имеющих с народными плясками ни на Кубани, ни где бы то ни было. На этой же сцене Большого театра, где ломаются куклы, раскрашенные «под колхозника», подлинные колхозники с Северного Кавказа еще недавно показывали изумительное искусство народного танца. В нем была характерная именно для народов Северного Кавказа индивидуальность. Нет нужды непосредственно воспроизводить эти пляски и игры в искусстве балета, но только взяв их в основу, и можно построить народный, колхозный балет.

Либреттисты, впрочем, всего меньше думали о правдоподобию. В первом акте фигурируют кукольные «колхозники». В прочих актах исчезают всякие следы и такого, с позволения сказать, колхоза. Нет никакого осмысленного содержания. Балетные танцовщицы исполняют ничем между собой не связанные номера. Какие-то люди в одежде, не имеющей ничего общего с одеждой кубанских казаков, прыгают по сцене, неистовствуют. Балетная бессмыслица в самом скверном смысле этого слова господствует на сцене.

Под видом колхозного балета преподносится противоестественная смесь ложно-народных плясок с номерами танцовщиц в «пачках». Пейзан не раз показывал балет в разные времена. Выходили принаряженные кукольные «крестьяне» и «крестьянки», пастухи и пастушки и исполняли танцы, которые назывались «народными». Это не был обман в прямом смысле. Это было кукольное искусство своего времени. Иногда эти балетные крестьяне старались сохранить этнографическую верность в своих костюмах. Некрасов писал иронически в 1866 году:

Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа – и театр застонал!..
Все – до ластовиц белых в рубахе –
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...»

Именно в этом и была невыносимая фальшь балета, и Некрасов обращался с просьбой к балерине:

... Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
И в покое оставь мужика!

Наши художники, мастера танца, мастера музыки безусловно могут в реалистических художественных образах показать современную жизнь советского народа, используя его творчество, песни, пляски, игры. Но для этого надо упорно работать, добросовестно изучать новый быт людей нашей страны, избегая в своих произведениях, постановках и грубого натурализма, и эстетствующего формализма.

Музыка Д. Шостаковича подстать всему балету. В «Светлом ручье», правда, меньше фокусничанья, меньше странных и диких созвучий, чем в опере «Леди Макбет Мценского уезда». В балете музыка проще, но и она решительно ничего общего не имеет ни с колхозами, ни с Кубанью. Композитор так же наплевательски отнесся к народным песням Кубани, как авторы либретто и постановщики к народным танцам. Музыка поэтому бесхарактерна. Она бренчит и ничего не выражает. Из либретто мы узнаем, что она частично перенесена в колхозный балет из неудавшегося композитору «индустриального» балета «Болт». Ясно, что получается, когда одна и та же музыка должна, выразить разные явления. В действительности она выражает только равнодушное отношение композитора к теме.

Авторы балета – и постановщики и композитор – по-видимому, рассчитывают, что публика наша нетребовательна, что она примет все, что ей состреляют проворные и бесцеремонные люди.

В действительности нетребовательна лишь наша музыкальная и художественная критика. Она нередко захваливает произведения, которые этого не заслуживают.

«Правда», 6.02.1936

От редакции журнала «Советская музыка», 1936, № 2.

Печатаемые выше ... две статьи «Правды» («Сумбур вместо музыки» – об опере Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» – и «Балетная фальшь» – о балете Шостаковича «Светлый ручей» в постановке ГАБТ) имеют огромное, глубоко принципиальное значение для всей нашей музыкальной общественности.

Обе статьи, как указывает «Правда» (13 февраля 1936 г.), направлены против чуждой советскому искусству лжи и фальши, – формалистически-трюкаческой в «Леди Макбет», сусально-кукольной в «Светлом ручье». Оба эти произведения одинаково далеки от ясного, простого, правдивого языка, каким должно говорить советское искусство. Вместе с тем ... указанные выше статьи из «Правды» с мудрой ясностью и простотой раскрывают по существу конкретную программу действий советского музыкального творчества, сигнализируя одновременно отсталость и косность значительной части нашей «не в меру услужливой» критики, проглядевшей опасность «левацкого уродства» в музыке, не возглавившей решительной борьбы со всеми и всяческими проявлениями формализма и упрощенчества в советском искусстве.

Эта конкретная программа действий четко определяет широкое обсуждение советской музыкальной общественностью и, в частности, нашим журналом – острых актуальнейших вопросов музыкально-творческой и критической работы, с предельной ясностью поставленных в публикуемых выше исторических документах.

Из книги Д. Бабиченко «Писатели и цензоры» (Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК)

25 января 1939 г. Политбюро приняло постановление «О составе Правления Союза советских писателей». В новое Правление ССП вошли Герасимова, Караваева, Катаев, Федин, Павленко, Соболев, Фадеев, Толстой, Вс. Вишневский, Лебедев-Кумач, Асеев, Шолохов, Корнейчук, Машашвили, Янка Купала. Секретарем Президиума Правления ССП стал Фадеев. Председательская карьера Ставского закончилась.

После 1939 гг. к писателям, по крайней мере, наиболее именитым, физических репрессий старались не применять, хотя жесткий контроль над ними сохранялся. Последними жертвами НКВД из среды писателей в 1939 г. были М. Кольцов и И. Бабель. Регулярно за литераторами, как и другими гражданами страны, вело активное наблюдение НКВД. В подтверждение этого приведем проект письма Андреева Сталину, датированный Техсекретариатом июлем 1939 г.:

«В ЦК ВКП(б) – товарищу СТАЛИНУ. Направляю Вам проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении советских писателей, внесенный в ЦК тт. Фадеевым и Павленко.

Список представленных к награждению писателей был просмотрен т. Берия. В распоряжении НКВД имеются компрометирующие в той или иной степени материалы на следующих писателей: Инбер В. М., Исаакян А. С., Бергельсон Д. Р., Голодный М. С., Светлов (Шейнсман) М. А., Асеев Н. Н., Бажан Н. П., Катаев В. П., Якуб Колас, Янка Купала, Маршак С. Я., Новиков-Прибой А. С., Павленко П. А., Погодин (Стукалов) Н. Ф., Тихонов Н. С., Бахметьев В. М., Лавренев Б. А., Леонов Л. М., Мосашвили И. О., Панферов Ф. И., Рыльский М. Т., Сейфуллина Л. Н., Толстой А. Н., Федин К. А., Шагинян М. С., Шкловский В. Б., Бровка П. У., Герасимова В. А., Каменский В. В., Луговской В. А., Сурков А. А.» Под подозрением в сущности оказывались все, даже такие совершенно «благонадежные» писатели, как Федин, Новиков-Прибой, Сурков и др. Читаем дальше: «Просмотрев совместно с тов. Берия эти материалы, считаю, что Инбер В. М., Исаакян А. С., Бергельсон Д. Р., Голодный М. С. и Светлов (Шейнсман) М. А. должны быть отведены из списка к награждению, как по характеру компрометирующего материала, так и потому, что за последние годы их вес в советской литературе был совершенно незначительным. Из материалов на остальных перечисленных мной писателей заслуживают внимания материалы, компрометирующие писателей Новикова-Прибоя, Панферова Ф., Толстого А., Федина К., Якуба Коласа, Янку Купала, Сейфуллину, Рыльского, Павленко. Необходимо отметить, что ничего нового, неизвестного до этого ЦК ВКП(б), эти материалы не дают. Что касается остальных кандидатур к награждению, компрометируемых в той или иной степени материалами НКВД, считаю, что они могут быть награждены, имея в виду их значение и работу в советской литературе».

В числе скомпрометировавших себя в глазах НКВД был П. Павленко – заместитель Фадеева, представлявший кандидатуры к награждению. Намечая будущих орденосцев, Фадеев и Павленко направили Андрееву записку, в которой сообщалось: «Мы не включили в списки для награждения следующих крупных писателей, в политическом лице которых сомневаемся. Оставляем их на рассмотрение ЦК: Бабель Исаак Эммануилович, Пастернак Борис Леонидович, Олеша Юрий Николаевич (Правильно: Юрий Карлович. – Д. Б.), Эренбург Илья Григорьевич. С коммунистическим приветом. А. Фадеев. П. Пав[ленко]».

Попутно заметим, что из перечисленных имен в письме Андреева Сталину в итоге только четверо – Каменский, Исаакян, Бергельсон и Голодный – не были удостоены высоких правительственных орденов. Награжденные же высказывали благодарность «партии, правительству

и лично товарищу Сталину» за «огромное внимание» к писателям. На состоявшемся по этому поводу митинге литераторов «взволнованные и гордые высокой наградой, они говорили о необходимости еще выше поднять творческую активность писателей и отдать родине все свои творческие силы. Только так можно оправдать высокое доверие народа, партии и правительства».

Наряду с чисто полицейским сохранился и укреплялся идеологический диктат. На XVIII съезде партии (1939 г.) в отчетном докладе Сталина прозвучало предложение: «сосредоточить в одном месте дело партийной пропаганды и агитации и объединить отделы пропаганды и агитации и отделы печати в едином Управлении пропаганды и агитации в составе ЦК ВКП(б)».

Управление было создано 3 августа 1939 г. Политбюро назначило начальником нового подразделения А. Жданова. В составе УПА было образовано пять отделов и назначены их заведующие: партийной пропаганды (Александров Г. Ф.), марксистско-ленинской подготовки кадров, печати (Антропов Т. И.), агитации (Лузин А. А.) и культурно-просветительских учреждений (Поликарпов Д. А.). Первым заместителем начальника УПА был утвержден П. Н. Поспелов, заместителями Александров и Антропов. На следующий день Оргбюро утвердило структуру и штаты этого ведомства, а так же направления деятельности и круг обязанностей каждого подразделения Управления. Из 115 ответственных работников 35 числились в Отделе печати. Этот отдел должен был: «Осуществлять контроль и наблюдение за работой центральных, областных, краевых, республиканских газет и журналов... проводить указания ЦК о направлении газет... участвовать в проверке и подборе кадров для газет и журналов... рассматривать тематические планы основных издательств... заниматься вопросами тиража газет... наблюдать за работой ТАСС и Главлита».

Первые шаги нового ведомства, на практике осуществляющего руководство литературой с помощью постановлений ЦК, не заставили себя ждать. 4 августа 1939 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло подготовленное УПА постановление «О журнале «Октябрь». По набору однообразных обвинений и оргвыводов, по стилю, это постановление было типичным в ряду подобных документов, принимавшихся в последующие годы:

«1. Констатировать, что на страницах журнала „Октябрь“ поэт И. Сельвинский под видом „лирики“ протащил своеобразную арцыбашевщину – пошлые и циничные, насквозь буржуазные взгляды по вопросу об отношении к женщине. В стихотворении „Монолог критика – диверсанта ИКС“ И. Сельвинский воспекает „поэзию двоедушия“, идеализирует шпионов и диверсантов. Указать редакционной коллегии журнала „Октябрь“, что она допустила грубую политическую ошибку, напечатав в № 5–6 журнала за 1939 г. ряд антихудожественных и вредных стихотворений И. Сельвинского.

2. Объявить выговор члену редколлегии журнала „Октябрь“ В. Ильенкову, подписавшему к печати № 5–6 журнала „Октябрь“ с антихудожественными и вредными стихотворениями Сельвинского.

3. Указать т. Садчикову, что работники Главлита проявили гнилой либерализм, пропустив в печать стихотворения И. Сельвинского в № 5–6 журнала „Октябрь“».

Через две недели, 19 августа, аппарат УПА, за подписью П. Поспелова, подготовил пятистраничную докладную в ЦК ВКП(б) «О редакциях литературно-художественных журналов». В этом документе подчеркивалось: «Просмотр ряда литературно-художественных журналов за 1939 г. показывает, что руководство журналами поставлено неудовлетворительно. По своему содержанию журналы явно отстают от жизни, от запросов советского читателя. Журналы „Красная новь“, „Октябрь“, „Звезда“, „Литературная учеба“ и др., являющиеся органами Союза советских писателей СССР и периодикой современной художественной литературы, в течение шести месяцев не дали ни одного более или менее крупного художественного произведения, изображающего современную действительность советской страны. Называясь журналами художественной, общественно-политической литературы, критики и публицистики, эти

журналы в течение полгода не дали ни одной серьезной статьи, освещающей основные вопросы нашей общественной жизни... Так, например, в журнале „Красная новь“ почти нет статей, посвященных решениям XVIII съезда партии, о задачах в области литературы и культуры, вытекающих из решений съезда. Художественные произведения, печатаемые в этом журнале, главным образом, посвящены прошлому». Недопустимым, по мнению Управления, было положение, когда «все дела другого крупнейшего журнала „Октябрь“ ведет т. Чаковский, который лишь недавно подал заявление о вступлении в партию». Особое недовольство вызвали действия Чаковского при выпуске № 5–6 «Октября», когда он «мобилизовал все для воздействия на работников Главлита. Чаковский вместе с Сельвинским поехал в Главлит и добился опубликования в журнале вредных и пошлых стихотворений («Лирика» и «Монолог диверсанта...»). – Д. Б.).

Положения докладной записки отразились в постановлении Оргбюро ЦК от 20 августа 1939 г. «О редакциях литературно-художественных журналов». В нем были предъявлены обвинения журналам «Октябрь», «Красная новь», «Звезда», «Литературная учеба».

<...>

Импульсом к закручиванию идеологических гаек послужило осуждение фильма «Закон жизни», вернее не столько самого фильма, сколько сценария А. О. Авдеенко. 16 августа 1940 г. на страницах «Правды» появилась редакционная статья «Фальшивый фильм», в которой картина объявлялась «клеветой на нашу студенческую молодежь».

Коротко о содержании сюжета фильма. Четыре главных персонажа: секретарь обкома комсомола Евгений Николаевич Огнерубов, аспирантка медицинского института Нина Бабанова, студенты этого же вуза: ее младшая сестра Наташа и сокурсник, комсорг института и член обкома комсомола Сергей Паромов. Особый гнев «рецензента» вызывала сцена прощального вечера выпускников, (режиссеры уделили этому эпизоду почти двадцать минут). Вечеринка организована бывшими студентами института с участием Огнерубова, который, ссылаясь на Маркса, проповедовал далекие от большевистской идеологии идеи, которые не встречают отпора комсомольцев. В статье рассуждения Огнерубова о вине, свободной любви, развлечениях квалифицировались как «вражеская проповедь». Главный положительный герой Сергей Паромов внутренне не согласен с «либеральным» комсомольским вожаком. К тому же последний увозит кататься на автомобиле в горы полюбившуюся ему девушку Наташу. После бурной ночи, содержание которой мало кто из выпускников помнит, у студентов наступает прозрение. Сергей, почувствовав недоброе уже на выпускном вечере, выступает, несмотря на грозящий ему полный разрыв с Наташей, со статьей в институтской газете. В публикации принципиальный комсомолец показывает истинное лицо лидера, который считает, что «можно любить выпить, повеселиться с девушками, и в тоже время быть прекрасным комсомольцем, политическим деятелем». Нина, бывшая любовница Огнерубова, на состоявшемся вскоре комсомольском собрании, его разоблачает. На заседании обкома ВКП(б) его исключают из партии. А на его месте оказывается Паромов. Наташа и Сергей мирятся. Последняя сцена фильма: страстный поцелуй секретаря обкома комсомола со своей возлюбленной в рабочем кабинете.

Вывод в «рецензии» «Правды» категоричен – авторы фильма стоят на стороне Огнерубова: «Это не закон жизни, а гнилая философия распущенности».

Телекомпания «Останкино» в 1993 г. предоставила нам редкую возможность увидеть эту картину. И вот первое впечатление: фильм далек от однозначности, стереотипов поведения выдуманных героев. Безмятежное застолье до потери памяти, жаргонные выражения студентов. Нельзя не удивиться, как могла быть принята цензурой, например, такая сцена: монолог против Огнерубова Сергей Паромов произносит в момент выноса мертвецки пьяного сокурсника. Совершенно непонятно, как пропустили на экран эпизод, когда Огнерубов, объясняясь с Наташей в своей квартире, допускает мысль о прослушивании их разговора, подстраховывается и снимает трубку с телефонного аппарата. Разговоры о «кнопках», на которые в случае

надобности, может нажать Огнерубов, о спасительных связях с московским партаппаратом – все эти и другие сюжеты из жизни комсомольских чиновников, выглядят очень откровенно, показывают нам явление разложения части номенклатуры.

Надо очень точно представлять ситуацию в тогдашнем советском «приглаженном» кинематографе и литературе, чтобы оценить факт появления в кинокартине внешне респектабельного комсомольского работника, по сути откровенного демагога, проходимца, негодяя, который, если это необходимо, может «сместить человека со своей дороги». В кинематографе того времени, запечатлевающим современность, мы видим, как правило, простого труженика, рядом с которым в качестве организатора его трудовых подвигов обязательно присутствует партийный руководитель, наделенный исключительно положительными чертами: искренностью, аскетизмом, отзывчивостью, целеустремленностью, работоспособностью и т. д. На этом фоне появление Огнерубова на экранах страны казалось вызовом всей сталинской системе представлений как о кинематографе в целом, так и дискредитацией идеала поколения номенклатурных выдвиженцев. Да и с «простым народом», в данном случае это группа студентов, в картине не все было гладко. Автор сценария показал, что вожди типа Огнерубова, управляющие массами оказываются, в силу своего непререкаемого авторитета, способными влиять на «человеческий материал» как им заблагорассудится: «можно пить, можно веселиться». И студенты, в подавляющем своем большинстве, неукоснительно следуют за «авторитетом» с полномочиями.

Очевидно, что сценарий Авдеенко не случайно был выбран, как «образец» негатива, на его критике должны были учиться другие писатели.

К моменту выхода картины судьба Авдеенко складывалась более чем благополучно. Молодой (в 1940 г. – 32 года), уже достаточно известный литератор, автор двух романов «Я люблю» и «Судьба». Вхож, в свое время, в апартаменты Серго Орджоникидзе, знаком с Горьким, который всячески помогал начинающему литератору. У писателя новый автомобиль «эмка» – «товарищ Серго и его помощник Семушкин помогли». В 1939 г. он становится специальным корреспондентом «Правды», освещает жизнь советской Западной Украины, «освобожденной от панского ига». 1940-й год – Авдеенко в правдинских репортажах ликует по поводу освобождения Северной Буковины. У писателя уже новый «бьюик». В августе сорокового на экранах Москвы и Ленинграда начинается демонстрация фильма «Закон жизни», в работе – еще три новых сценария для кинематографа. Будущее казалось безоблачным. В июле 1940 г. в «Известиях» была помещена в целом положительная рецензия на фильм. Естественно, что Авдеенко, обласканный властью, вовсе не собирался не только выступать против ее устоев, но и даже легко критиковать или, наоборот, хвалить то, что «не положено». Но власть не жалела и «своих», когда надо было учить уму разуму писателей.

Статью в «Правде», появившуюся после правительственного просмотра кинокартины, написал Н. Кружков, а редактировал, хотя и очень поверхностно, лично Жданов. Решение же о запрещении фильма принимал сам Сталин. Управление пропаганды явно запоздало со своей реакцией на «крамольную» картину. Может быть, в этой связи 6 сентября 1940 г. Политбюро освободило Жданова от обязанностей начальника УПА, оставив за ним функцию наблюдения за этим ведомством. Командовать в Управлении стал Г. Александров. Решение Политбюро скорее всего было вызвано тем, что Жданов, секретарствующий в ЦК и Ленинградской областной и городской партийной организации, не мог должным образом контролировать «идеологию». За всем этим усматривается и борьба между Ждановым и Маленковым. Кандидатура Александрова, скорее всего, была предложена именно последним, который отвечал за Управление кадров ЦК. И еще один штрих. В утвержденной 22 августа на Политбюро комиссии «по предварительному просмотру и выпуску на экраны новых кинофильмов» не оказалось фамилии Жданова. Правда, ситуация была вскоре исправлена и 24 августа комиссия «высших цензоров» состояла из А. Андреева, А. Вышинского, Г. Маленкова и А. Жданова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.